„ХРИСТИАНИН"

ДЛЯ ВСЕХ ИЩУЩИХ ИСТИНУ И ЛЮБЯЩИХ ГОСПОДА

№ 7 | 1927 год | № 7

Молот.

„Слово Мое не подобно ли молоту, разбивающему скалу?"—
Иер. 23, 29.

Глыбу железную
Молот кует;
Соху полезную
Нам создает.

Почву нагорную—
Крепкий гранит,—
Силой упорною
Молот дробит.

Шахту туннельную
В скалах творит;
Храмину цельную
Строит из плит...

Есть невещественный
Молот Христов,—
Молот Божественный
Пламенных слов...

Божье учение
Рушит во прах
Дух противления,
Гордость в сердцах;

Скоро губительный
Меч разобьет,—
Людям спасительный
Якорь скует;

Через скалистую
Стену забот,—
Стезю кремнистую
К небу пробьет. *)

И. С. П.

*) *Из сборника „Песни воскресения".*

ЛОГИКА ЛЮБВИ*).

Ч. СПЁРДЖЕН.

„Достойно любят Тебя“.—П. П. 1, 3.

Мотивы любви являются, в большинстве случаев, мерилом ее роста. Зрелый верующий любит своего Господа из более высоких побуждений, нежели человек новообращенный. Не то, чтобы его любовь была искреннее и серьезнее, но она более устойчива и постоянна, так как духовный опыт выработал больше причин для того, чтобы привязать душу к Господу. Всякая искренняя любовь к Искупителю заслуживает благоволение Его, и, вместе с тем, служит для нас непреложным доказательством нашей безопасности в Нем.

Мы далеки от желания обесценивать искреннюю любовь у недавно обращенных, или сомневаться в ее горячности, хотя мы и отдаем предпочтение более разумной и менее заинтересованной привязанности к Господу тех христиан, которые умудрены опытом. Пусть никто не сомневается в правильности своей веры—на том основании, что он не может взойти на *все* высоты ее, или не способен еще постичь *всей* глубины этой превосходящей разумение любви. Любовь грудного младенца к матери так же дорога ей, как и привязанность взрослого сына...

Прелесть веры, надежды и любви зависит более от их *искренности*, нежели от их *силы*, менее от степени их *сознательности*, нежели от их *деятельного проявления*.

Но, конечно, возрастание в благодати обнаруживается и в христианской любви, так же как и во всяком плоде Духа; и мы полагаем, что рост ее до некоторой степени определяется мотивами, ею руководящими, совершенно так же, как мы судим о приближении ливня по положению тучи, из которой он прольется.

Полезно углубиться в мотивы, руководящие нашей любовью. Мы не можем надеяться исчерпать вполне всю глубину этого вопроса: на это не хватит нам ни времени, ни сил. По этому поводу уместно вспомнить заметку Оуэна: „Мотивы, заставляющие нас любить Христа, так велики, так многочисленны, что перечислить их все—невозможно; нельзя их также выразить в краткой речи, так что приходится ограничиться только упоминанием некоторых из них“ („Christologia“).

Приступая к перечислению различных степеней духовного роста, мы молим Духа Святого—руководить размышлениями нашими, даруя нам мудрость и благодать свыше. Начинаем это дело в полном сознании зависимости от Его помощи, и рассчитываем, что Он шаг за шагом будет руководить нами. Мы начинаем с „Алфы“ любви, с первого спелого плода нашей *признательности* Господу.

I. Любовь благодарная.—Мы любим Его, „*потому что* Он прежде возлюбил нас“ (I Иоан. 4, 19). Вот исходная точка поприща любви. Это—начало того ручья, который обратится затем в реку; это—факел, зажигающий целый столб пламенного благочестия. Освобожденный дух любит Спасителя *за дарованную ему свободу;* он вникает в страдания, которыми был куплен бесценный дар, и прославляет истекающего кровью Страдальца за муки, Им так самоотверженно перенесенные. Господь Иисус является Благодетелем нашим, и получаемые нами из рук Его дары заставляют нас отдать Ему сердце.

*) См. „Христианин“ № 6 за 1927 г.

Принимая все те истины, которые заключаются в Евангелии, мы благословляем имя Искупителя нашего за благодать, явленную в избрании нашем к жизни вечной, за бесконечную благость, призвавшую нас в Царство Его, за прощение и оправдание—посредством Крови и крестных страданий Его, и за навсегда нам обеспеченную безопасность, благодаря непрерывному общению нашему с Богочеловеком.

Всего этого, конечно, более, чем достаточно, чтобы возникла беззаветная любовь к Нему в душе человека; даже если бы душа никогда не выходила из созерцания этих дивных даров благодати, не вдаваясь ни в какие исследования совершенства Христа,—она все таки находила бы всегда новые причины для того, чтобы гореть любовию к Нему. Горение наших огней всегда поддерживается небесным огнем, если только Дух Святой его постоянно раздувает. Этот мотив любви может принести много плода, и возбудить в нас ревностную любовь к Спасителю; он применим ко всем видам и целям небесной любви.

Но существуют мотивы еще гораздо более возвышенные. Сами по себе они выше, хотя редко более действительны. Любовь из благодарности есть лишь начало нашей любви: „Я люблю Господа, потому что Он услышал глас мой и моление мое". Вначале привлекает нас больше милосердие Его к нам, нежели несравненное совершенство Его...

Дела Спасителя приводят нас вначале в восхищение не столько очевидным величием и совершенством их, сколько тем фактом, что *мы* имеем часть в благодеяниях Его. Сначала эта мысль нас всецело поглощает, и захватывает все наше внимание. Душа еще не дает себе полного отчета—ни в свойствах личности Христа, ни в чудных подробностях служения Его: она знает Его только по расточаемым Им дарам, и любит Его только за все то, что Он дает человеку. Назовите эту любовь, пожалуй, эгоистичной, но не осуждайте ее. Ведь Спаситель не осудил женщину, которая Его всей душой возлюбила, *потому что* ей „было много прощено"; не отверг Он также и благодарности женщины, исполнившейся любовью к Нему *за то*, что Он изгнал из нее семь бесов... Ведь и сердце ребенка привязывается к матери из мотивов эгоистических, но кто же решится за это осудить его? Неблагородно было бы—хотеть искоренить зародыш столь святого небесного чувства—из-за скудости почвы, его возрастившей. Наша любовь к Богу даже выигрывает, если мы любим себя в границах должного, и любим себя *мудро*. „Себялюбие становится *греховным* тогда, когда мы любим, как самих себя, то, что *не есть мы сами,*—когда мы любим нашу плоть и наши плотские интересы,—или если мы любим себя *не так*, как подобает, любим больше, чем Бога, а Бога любим только ради самих себя. Но существует себялюбие и законное: это—когда мы любим себя *в Господе и для Господа*. Это законное себялюбие приводит нас к любви ко Христу, к стремлению все более и более обогащаться Его благодатию, потому что мы чувствуем, что *это сделает нашу душу—счастливее, и жизнь нашу—полезнее*. Это, до некоторой степени,—желания земные, но нисколько не греховные; желания эти—вполне святые.

Не требуется, чтобы основание здания было сложено непременно из полированного мрамора: надо только, чтобы камни, из которых основание это сделано, выполняли свое назначение, служа *прочным фундаментом* для более драгоценного матерьяла, из которого сооружается весь дом. Если неблагодарность вообще есть преступление, то благодарность, наоборот,—добродетель, и не следует с пренебрежением относиться к проявлению ее.

Верующие, только что начинающие духовную жизнь, сомневаются в своем благочестии, обвиняя себя в том, что они чувствуют слишком *мало бескорыстной любви* к Господу Иисусу. Пусть они помнят, что этот высокий и чудный дар является лишь одним из плодов благословенного небесами *христианского опыта*.

„Любите ли вы Христа?"—вопрос важный и, если ответ на него вы дадите утвердительный, он сразу определяет ваше духовное состояние, даже если на следующий вопрос: „Почему вы Его любите?"—вы сможете ответить только одно: „Я люблю Его, потому что Он прежде возлюбил меня". Даже и к высшему проявлению небесной жизни всегда будет примешиваться много сердечной благодарности к Божественному нашему Учителю: не переставая Его любить за Его милости, мы начинаем Его любить за Его личные драгоценные качества—и, если мы отдаем себе отчет в поразительном величии Того, Кто сделался Искупителем нашим, то это только увеличивает нашу благодарность к Нему: *Он снизошел* до таких ничтожных созданий, как мы!

Таким образом оказывается много общего между „зрелыми колосьями" и нежной „былинкой", ибо все они живут, благодаря тому же самому солнечному свету. Даже предстоящие пред престолом святые не менее благоговейно славословят своего прославленного Царя,—из того же мотива, который многие склонны считать эгоистичным и недуховным. Они поют: „Достоин Ты... ибо Ты был заклан, и Кровию Своею *искупил нас* Богу"... И кто же будет отрицать, что милосердию, высшей благости, явленным в их собственном спасении, отведено в их чувстве к Нему—главное место?

О, новорожденная робкая душа! Если ты еще не успела всмотреться в бесподобной красоты Лик Возлюбленного, если ты еще не в состоянии проникнуться чувством восторга при сознании величия Его дел и дивных свойств Его личности,—наслаждайся вполне осуществлением Его благости и ценности пролитой Им Крови. *Это уже сделалось достоянием твоим*, залогом твоего богатства в Нем; люби Его *за* это, и в свое время Он явит тебе новые чудеса, новую славу, так что ты будешь в состоянии воскликнуть: „Вот, мне и в половину не сказано!"... (3 Цар. 10, 7).

Пусть ты еще не видел небесного сияния Фавора и не слыхал торжественных слов, звучавших на горе Елеонской,—но уже Голгофа и Гефсимания покажут тебе, какая драгоценность для тебя—Спаситель твой. Оставайся внизу, если ты не можешь еще взойти наверх, потому что ведь и „нижняя комната" *находится* в том же самом „доме Его",—и столы в этой комнате накрыты так же.

Старайся заглянуть в сердце Искупителя твоего, дабы утвердилась более тесная связь души твоей с Ним. Помни, что сердце Господа нашего Иисуса исполнено такою невыразимою любовью к народу Своему, что ничто не может сравниться с нею. Ни муж, ни жена, ни нежнейшая мать—не могут соперничать с Ним в любви, потому что—„любовь Его превыше любви женской". Ничто не может так помочь тебе убедиться в духовной красоте, в несказанном величии Иисуса Христа, как *верная оценка Его любви к тебе*; размышление о ней наполнит твою душу безграничной любовью к Нему. „Хотя", по замечанию одного мыслителя, „много говорится о любви Христовой, но, в сущности, лишь мало людей действительно знают,—*как* Христос любит человека, и мало кто верит этой любви". „Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими" (1 Иоан. 3, 1). Если в этом незнании кроется причина, почему лишь немногие любят Его, почему так многие

любят людей наравне с Ним,—то из этого можно заключить, что уверенность в беспредельности Его любви к нам и ожидание от Него всякого блага—имеют великую притягательную силу для привлечения к Нему грешников".

Поэтому—изучай любовь *Его* и зажигай ею любовь *свою*: помни, что любовь Господа Иисуса к тебе обошлась Ему дорого, и что ты пользуешься ею не по заслугам своим.

Здесь будет уместно заметить, что любовь возбуждается тоже и сознанием того факта, что Христос—*удел* наш, *собственность* наша. „Боже! *Ты Бог мой*, Тебя от ранней зари ищу я" (Пс. 62, 2),—слова эти вырываются из сердца, когда мы узнаем, что Христос нам *принадлежит*. Это Христос *наш*, праведность Его вменена *нам*, принесенная Им жертва—искупление *наше*. Сознание это заставляет нас прежде всего пламенно любить Его. Как Бога—мы *должны бы были* Его любить: но как Бога „нашего"—мы Его *уже любим*. „Я не могу любить Христа, Который принадлежит другим", говорит скорбная душа, „Он должен быть *моим* достоянием, иначе не установится общение мое с Ним"... Когда же душа действительно проникается сознанием этой любви нашей к Нему, она восклицает: „Господь мой и Бог мой! Ты—мой, и я—твоя". Несмотря на все присущие смертному скорби, *стòит* быть человеком, если нам дана эта радость сознания полной принадлежности нам Господа Иисуса, если мы можем воздавать Ему за это любовью!

Прислушайтесь к тому, что̀ из глубины сердца говорит верующий: „Возлюбленный *мой* принадлежит мне, а я Ему". Дарственный акт налицо, и факт этот для меня несомненен. Кто лишит меня этого сокровища, если Сам Бог ввел меня во владения и считает меня законным наследником? Сам Господь *мой* уверил меня, что Он—мой, и повелел мне называть Отца Своего—Отцом *моим*. Я не сомневаюсь, что вся Святая Троица—удел *мой*. „Буду Богом *твоим*"—вот, на чем основывается моя уверенность в этом. О, душа моя, воспрянь и вступи во владение наследием твоим, прими благословения, и попробуй исчислить богатство твое! Войди в покой *твой*, и свидетельствуй о том, как милостиво Господь поступил с тобою. Я буду славить тебя, Бог *мой*; Царь *мой*, Тебе вручаю душу мою. О, Слава *моя*, Тобою будет хвалиться душа *моя* всякий день; Скала *моя*, на Тебя возлагаю я всю надежду мою. Посох, опора моей жизни и сила сердца моего, жизнь моей радости и радость моей жизни! Я укроюсь в тени крыл Твоих, и буду славить Тебя, воспою песнь любви о Возлюбленном моем".

Чудны эти духовные переживания, и блажен тот, кому дано их испытать!

Весьма важно для нас—быть верными призванию нашему; это способствует, вместе с другими причинами, усилению любви к Господу в душе нашей.

II. Любовь, которую ощущаем мы при сознании совершенства выполнения дела Искупителя, близка по своему характеру к той любви, которая вызывается в нас чувством благодарности. Возлюбив Его за дарованное ему спасение, верующий измеряет всю тяжесть перенесенных его Освободителем трудов, и убеждается в такой красоте и гармонии их, что он любит Его теперь с новою силою, размышляя обо всем этом.

Совершенством дышит все, что̀ бы ни взялся выполнить Господь для души нашей. Мы видим в Нем *Царя нашего* и, познавая могущество, справедливость и благость, окружающие престол Его, будучи свидетелями

Его победы над врагами Его, убеждаясь в силе Его заступничества за друзей,—мы не можем не благоговеть пред Ним, не можем не воскликнуть: „Слава Тебе, Господь Всемогущий!“

Вникая в *первосвященническое служение* Христа, мы не можем не поражаться верностью Великого Первосвященника нашего, не прославлять всю действенность посредничества Его между нами и Отцом,—все явления Его ходатайства за нас. Когда же Он является духовному нашему взору в одеянии *пророка*, как гармонирует оно с венцом царским и с первосвященническою диадемою, облекая Собою Того, Кто Сам—Премудрость по существу Своему!

В какой славе является перед нами Искупитель наш с трояким этим характером Своего служения! Каждая особенность служения этого тесно связана с другими, но это не мешает им, каждой в отдельности, проявляться во всей полноте, в то же время не затмевая одна другую.

Славословия наши не прекратятся никогда, разве только бедность языка заставит нас умолкнуть, и мы не сумеем облечь наши мысли в подходящую форму выражения... Когда Дух Святой открывает душе все превосходство многообразных священнодействий Христовых,—как загорается тогда любовью сердце человека! Мысль о том, что Христос оставил славу небес, дабы сделаться человеком, подвергся страданиям, дабы сделаться сострадательным другом человека, подчинился затем смерти—для искупления его,—эта мысль не может не залить наше сердце любовью.

Очами веры увидев в Нем Искупителя своего, входящего с Кровию кропления во святилище, и пригвоздившего к кресту Своему беззакония наши, невозможно нам не склониться перед Ним с благоговением и восхищением.

Кто может быть свидетелем торжества Князя мира—и не рукоплескать Ему? Кто, убежденный в безмерных заслугах Его, может Его не превозносить?

Эта любовь созерцательного умиления никогда, конечно, не может быть первичным действием новорожденной любви,—она не есть отражение первичной мысли. Люди, спасенные от гибели Господом, прежде всего *прославляют* своего Избавителя, а затем уже, отдав себе отчет в своей личной беспомощности, и в то же время в человеческой самоотверженности, в сострадательном участии и в героической отваге их Освободителя от смерти,—они оказывают Ему свою *преданность за дело,* Им выполненное с таким дивным самозабвением и с такой великой любовью. Даже помимо того, что сами они обрели безопасность, они и вообще не могли бы не прославлять добродетель, проявленную таким славным подвигом.

У нас, спасенных благодатью, довольно причин, чтобы вечно любить и прославлять Спасителя нашего за чудные свойства характера Его. Они так многообразны и все до такой степени ценны, что мы можем только созерцать и благоговеть пред ними. Пастырь, несущий ягнят в объятиях Своих... Стенорушитель, сокрушающий медные двери неприятеля... Вождь, побеждающий всех врагов Своих... Брат, оказывающий участие в невзгодах... Тысячи других аллегорических представлений личности Господа Иисуса не могут не вызвать любви к Нему в душе всякого вдумчивого христианина. Нам следует стараться как можно больше *познавать* Христа, *дабы иметь больше оснований любить Его.* Размышление о жизни, о характере, свойствах и служении Господа Иисуса — являются часто лучшим средством к обновлению нашей охладевающей любви. Чем

отчетливее представляем мы себе Христа, тем полнее наше понятие о Нем, и чем богаче наш духовный опыт, нам Его обнаруживающий, тем сильнее, тем прочнее становится наша привязанность к Нему. Потому-то так ценно наше общение со Христом, которое, в сущности, одно только и может дать нам возможность Его познать.

Заметим здесь, что читателю надо непременно дать себе отчет в этом новом виде любви своей ко Христу. Он должен помнить, что восторгаться нравственным обликом Иисуса Назарянина может ведь и невозрожденное сердце; поэтому, если этот духовный восторг *не связан с любовью из благодарности,* — он *не* есть плод Духа; таким образом этот (в некоторых отношениях) более высокий камень в здании—вполне зависит от ниже его лежащего, и не имеет без него никакой силы.

Одни уверяют, что они преклоняются пред Пророком Назаретским, но не признают Его Сыном Божиим; другие восхищаются Его Божественным и человеческим естеством, но не верят в Него, как в Искупителя своего; большое же число людей считают Его примером совершенства, но не придают значения Им принесенной безмерно драгоценной жертве. Любовь ко Христу за одну какую-либо черту Его—не есть плод Духа Святого, научающего нас верить в Христа всесторонне и любить все, Им совершенное и Им совершаемое.

Многие люди выдумывают себе „своего“ Христа, и утверждают, что Его любят; но „избранниками“ Божиими будем мы только тогда, когда мы чтим Помазанника Его, а не придуманного нами Христа.

Итак — старайтесь *познавать* Господа, дабы быть всею душою соединенными с Ним любовью...

А теперь, читатель мой, отложите на часок эту статью в сторону, и проведите этот час в общении с Ним. Тогда, вместе с одним выдающимся верующим, вы скажете: „Оставаясь вблизи Тебя, благословенный Господь Иисус, я все более и более познаю Твою славу и преклоняюсь пред всяким обличением Твоим. Все, весь Твой духовный облик, все Твое служение, все Твои свойства и отношения к нам,—все драгоценно для души моей. Ты—чудный Искупитель, прославленная Глава Церкви Твоей и народа Твоего; Ты—дивный Супруг, Брат, Друг, Пророк, Первосвященник и Царь на Сионе Своем... И когда я вижу Тебя во всех этих положениях, когда я могу Тебя познавать и Тобою жить, когда называю Тебя *своим* во всех случаях жизни,—тогда могу я от всей души сказать: ни с чем несравним Ты, Господи!“

Если вы не можете составить себе живого духовного представления о „Муже скорбей“ и бесконечной сострадательной любви Его—*просите Его открыться вам* чрез посредство Духа Святого. Как только молитва ваша будет услышана, душа ваша будет напоена и насыщена „манною небесною“.

III. Сочувствие Христу Иисусу в осуществлении Его великого плана также является мотивом—и следствием—любви нашей к Нему. Освященные Господом люди сердцем соединены воедино с Ним, так как теперь они *преследуют одинаковые с Ним цели.* Они, вместе с Христом, ищут славы Божией, стремятся к искоренению греха, к спасению душ; работают над распространением Царства Божия на земле... Хотя святые являются лишь рядовыми воинами Божьей рати, Христос же—славным их Вождем, но все они служат в том же войске и, следовательно, все одинаково стремятся к победе. Это содействует умножению любви, потому что нельзя трудиться с тем и для того, кого уважаешь, и не чувствовать при этом все большей и большей связи с ним. Мы любим

Господа Иисуса, подвигаясь вперед в духовной жизни, всею душою *сочувствуя великой цели Его воплощения.* Мы мечтаем, чтобы наши братья обратились от тьмы к свету, и любили Христа, как Солнце Правды, которое одно лишь может просветить их. Мы ненавидим грех, и радуемся тому, что Христос силен снять его. Мы стремимся к жизни святой и блаженной, и приветствуем во Христе Грядущего Владыку всего мира, с пришествием Которого начнется „тысячелетие"... Чем искреннее становится наше желание, чем сильнее будут наши старания—содействовать прославлению Бога и спасению человека—тем более усиливается и наша любовь к Господу Иисусу. Беспечные христиане обыкновенно равнодушны, „не холодны и не горячи" сердцем, и этим объясняется медленность их духовного роста. Но когда сердце *вполне поглощено* великим делом Божиим—оно пламенеет любовию Великого Сына Божия, Который Сам был служителем, выполняя это же самое дело.

Если я сочувствую умирающему страдальцу, если скорби человечества возбуждают во мне жалость, если я молюсь о спасении людей, и, вместе с тем, стараюсь быть орудием этого спасения,—тогда я несомненно буду чтить и любить Друга грешников, Спасителя погибающих... Я глубоко подавлен сознанием величия Божия, и все мое существо рвется явить Его славу и возвеличить имя Его; в таком случае несомненно буду я льнуть к Тому, Кто прославил Отца Своего, и в Ком проявляются все присущие Божеству свойства.

Мы знаем, что *общность цели* бывает способна соединить множество людей в одно целое, живущее одним сердцем и дружно действующее в одном направлении; понятно, поэтому, что небесные стремления, воодушевляющие как самих искупленных, так и Спасителя их,—представляют из себя ту силу, которая крепко их соединяет.

Надеясь, что истину эту докажем мы ежедневным поведением нашим—я перехожу к следующей части наших размышлений.

IV. Опыт.—Испытанные нами любовь, нежность и верность Господа нашего Иисуса Христа влекут сердца наши к Нему. Одна уже мысль о любви Его к нам может воспламенить наши сердца любовию к Нему; но если любовь эту познаем мы *на опыте*,—тогда еще горячее будет наше чувство любви к Нему.

Во всех испытаниях наших Он был тут, с нами, подкрепляя нас и утешая, сочувствуя всякому нашему вздоху и встречая взором сострадания всякую слезу нашу... Как нам не любить Его за это? Он был Другом нашим в день бедствия, так „щедро восполняя все наши нужды по богатству Своему", что мы не имели нужды ни в чем. Разве можем мы забыть это неусыпное попечение о нас? Он являл помощь Свою во всякой трудности, давая нам потребную силу; Он уравнивал горы пред нами и наполнял долины; неровные места Он делал гладкими и прямыми делал пути кривые... Как не любить Его за все это? Во всех наших сомнениях Он направлял нас на путь мудрости, и вел нас по стезям знания. Он не допускал, чтоб мы совращались с путей Его; чрез неведомую пустыню вел Он нас путем, Им Самим проложенным... Можем ли мы не прославлять Его? Он отражал врагов наших, покровом Своим охранял голову нашу в час битвы, сокрушал силу притеснителя, и делал нас победителями над злом... Возможно ли забыть подобные благодеяния? Когда грехи нарушали душевный наш мир, пятнали наши ризы спасения и навлекали на нас много скорбей, — Он восстановлял души наши, направлял нас на путь правды „ради имени Своего". Не должна ли душа наша и „вся внутренность"—все существо наше

благословлять святое имя Его? Он был так же верен, как верно и слово Его; ни одно из обетований Его не было нарушено: все исполнились! Ни в одном затруднении не покидал Он нас; никогда не был Он неприветливым, невнимательным, бессильным удовлетворить нужды наши. Сильнейшие удары Его правосудия были так же исполнены любви, как и самые мягкие объятия Его снисходительной нежности. Мы не можем—не дерзаем—найти хотя бы малейшую ошибку в Его действиях. Все соделал Он прекрасно! Со стороны Его не было ни одного упущения. Любовь Его не может подвергнуться ни малейшему сомнению. Это именно—любовь, „изгоняющая всякий страх". Сердце отдыхает, анализируя ее; одно воспоминание о ней,—как миро разлитое! Углубление в нее, познавание ее на опыте—несказанно утешительно.

В каком бы положении мы в данную минуту ни находились, нам непременно встречаются трудности, свойственные именно только данному стечению обстоятельств; поэтому требуется, чтоб мы всегда стояли на *прочном основании*.

Если мы „стоим на горе"—мы славим Его за то, что Он помог нам взойти на эту высоту, что Он сделал ноги наши легкими, как у оленя.

Если мы в „долине"—мы славим Его тогда за то, что „жезл Его и посох Его—они успокаивают" нас... Больны ли мы? Мы любим частые Его посещения... Если мы пользуемся здоровьем,—мы благословляем Его за милостивое ограждение нас от заболевания... Дома ли или на чужбине, на суше или на море, в нищете или в изобилии,—Иисус, неизменный Друг наш, оказывает нам знаки милости Своей, и привязывает сердца наши к Себе узами бесконечной благодарности.

Нельзя, однако, не отметить, что не все искупленные в одинаковой мере пользуются своим духовным опытом; в сущности, ни один из нас не извлекает из опыта этого *всей* пользы, которую бы мог получить. Опыт отдельного *христианина* представляет собою далеко не то, что опыт *христианский* вообще. Много времени у нас уходит на занятия, для души совершенно бесполезные, непроизводительные... Об успехе, которого достиг какой-либо путешественник, не следует судить по тем трудностям, которые ему пришлось перенести: успех этот определяется тем, *насколько достигнута цель* путешествия, и соответствуют ли трудности эти—полученным результатам. Потому что действительно можно измучиться, идя быстро, безостановочно; но, если тропа, по которой идешь, ведет не туда, куда следует, то мало будет пользы от всех трудов и усердия...

Когда мы преуспеваем в познавании Господа, идя по путям, Им Самим нам указанным, мы имеем для себя обетование Божие, обеспечивающее нам приобретение знания; но если мы бежим по такому пути, который мы сами себе придумали, тогда не надо удивляться, что, вместо света, тьма окружает нас.

И несмотря на все это, Господь, милостиво извлекающий блага из всех ошибок детей Своих, сделал правилом жизни их тот факт, что они *научаются опытом*; я вполне уверен, что если бы мы не были учениками нерадивыми, то даже в опыте одного дня мы нашли бы тысячи причин, побуждающих нас любить Искупителя. Даже в продолжение самого, казалось бы, незначительного дня нашей жизни бывает множество случаев, когда можно увидеть нежную о нас заботу Господа; а в дни, почему-либо знаменательные,—тем более изливаются на нас щедроты Его. Так что, если мы только будем внимательно вглядываться и вдумываться, мы заметим, что вся жизнь наша полна проявлений заботы Божией о нас. Милостей Его, в конце концов, окажется так много, что

не сможем мы не почувствовать, как увеличивается любовь наша к Подателю этих милостей.

Блажен искупленный Господом, любовь которого к Нему с годами увеличилась, так-что сердце его утверждено в любви, горит и пылает ею!

Доживший до седины и заслуживающий общее уважение старец благотворно влияет на сердца окружающих, когда он свидетельствует о благости Господа Иисуса, верность Которого он установил в течение целого ряда лет и Который, среди скорбей и всяких испытаний, неизменно посылал ему утешения свыше. Он любил Господа и в молодые свои годы, любил искренно; но тогда можно было принять эту любовь за случайное пламя, рискующее исчезнуть так же скоро, как оно зажглось; теперь же никто уже не решится сомневаться в искренности и прочности его любви к Богу, потому что любовь его горит равномерным огнем, как хорошо налаженный и вычищенный светильник.

Духовный опыт, приобретаемый силою Духа Святого, является ежедневным приобретением человека и умножает его любовь к Богу; и тот, кому удалось уже скопить много этого сокровища, должен считать себя гораздо богаче, чем молодой новичок, у которого имеется его еще немного.

Да научит нас Господь собирать и бережно хранить драгоценные камни, рассыпанные у нас под ногами—в виде ежедневных наших духовных переживаний!

Опытный верующий намного превосходит молодых своих братьев, если опыт его перешел уже в более глубокую, устойчивую и неизменную любовь ко Христу. Он пред „младенцем во Христе" то же самое, что дуб перед молодым деревцом: он крепче укоренен, тверже духом; духовный кругозор его более широк. Его любовь к Богу, по сравнению с привязанностью к Богу новообращенного, подобна глубокой, мирно несущей свои воды, реке,—перед скромно текущим ручейком.

Это особенно можно сказать о седовласом старце, испытавшем на себе ярость бушевавших вокруг него житейских волн. Пройдя чрез много опасностей и искушений, он будет могучим свидетелем верности своего Господа; ибо всякое испытание, которое посылается человеку, доказывает непреложность обетований Божиих, и заставляет душу питаться этими обетованиями. Человек не ищет никакой другой опоры,—кроме крепкой опоры Божиих обещаний и верности Его; никакой земной помощи человеку тогда не нужно: несравненная красота и сила Сына Человеческого открывается духу его, и обилие благодати Его ярко ощущается им. Испытанные святые не могут не любить своего Искупителя; они любят Его не только за *избавление* от скорбей, но и за даруемые им *утешения*, в то время, когда они несли свой тяжелый крест. Они были в своей жизни точилом, из которого должен был быть выжат сок винограда „долины Есхола"; маслина должна была дать драгоценный елей благих обетований Божиих... Христос—пчелиный сот, но только лишь *опыт* может извлечь из него сладкие капли меда; Он—смирна и алой, но огненные испытания должны вызвать благоухания их; Он—душистый нард, но надо, чтобы крепкая рука скорби вдребезги разбила сосуд, содержащий приготовленное из этого нарда драгоценное миро...

Когда это совершится, когда духовным своим опытом познает Христа человек, тогда любовь к Нему в сердце его будет сильнее, нежели любовь „новорожденного" христианина. Престарелые святые так напитаны духом Христовым, что речь их льется, как потоки с гор Ливанских, несказанно освежая всякого, кому они вещают о чудесах искупительной любви

Христовой. Они удержались на якоре в злой час бури и непогоды; они испытали силу всеоружия Божия в день битвы; они поняли, что значит быть укрытыми под сенью „великой скалы“ в полуденный жар, среди земли сухой... Поэтому они и говорят обо всем этом—говорят о Том, Кто для них „все во всем“—с благоговением, с наслаждением; и нам, только что возложившим на себя свои воинские доспехи, отрадно слушать их, отрадно—не смотря на то, что все это еще мало доступно для нас в данную минуту.

И если мы хотим приобрести такие же сокровища духовного опыта, какие мы видим у них, если хотим достать со дна моря такие же драгоценные жемчужины—нам придется опуститься за ними на такую же глубину, на какую погружались в свое время эти сильные, опытные дети Божии.

Да просветит же нас тот Свет, Который исходит от Света Бога Отца, чтобы мы могли возрастать в любви *Христовой* и в *решимости* любить Христа по мере того, как мы приближаемся к небесному граду!

Сделаем теперь еще один шаг, тесно связанный с только-что пройденным нами путем.

V. **Общение** со Христом—вот что еще усиливает любовь нашу к Нему. Мы любим Его, потому что Его видели и вступили в общение с Ним. Как бы истинно и верно ни было свидетельство другого лица относительно Спасителя—никогда не постигнем мы всей силы любви к Нему, пока не увидим Его своим собственным духовным оком, или, лучше сказать, *верою своею не убедимся в верности Его.*

Личное общение с Господом Иисусом,—вот еще великий мотив любви к Нему. Немыслимо жить в общении с Ним и не испытывать любви к Нему. Чем ближе мы к Нему, тем горячее наша любовь. Как на планетах—температура тем выше, чем планета ближе к солнцу, так и тесное единение с Господом Иисусом усиливает степень любви нашей к Нему.

Мы надеемся в другом месте описать всю сладость общения с Христом; а потому ограничимся теперь лишь одним указанием: когда мы чувствуем, что Христос около нас, тогда Он, Благословенный, от времени до времени милостиво дает нам ясно сознать, *что Он любит нас.* Он делает слух возлюбленного искупленного Своего настолько чутким, что он становится способным слышать дивную песнь, воспевающую любовь „Жениха“ к „невесте“ Своей; и тихо доносится эта чудная мелодия до слуха человека...

Христос открывает мысли Свои и чувства Своего сердца—сердцу избранных Своих, так что они получают уверенность в том, что не существует в мире любви более привлекательной, более неизменной и горячей, чем любовь Его. Они чувствуют, что Он любит их, как Глава их, как отец, как друг, как близкий, как брат, как супруг... Они видят, что все оттенки любви соединены и доведены до совершенства в любви Христа к ним. Они ясно сознают, что Он их любит больше, чем они Его, что Он любит их даже больше Своей собственной жизни. Это возносит к Нему душу их; Он становится усладой сердец их и занимает там первое место.

Проникаясь силою любви к ним умирающего за них Господа, они сознают, что будь их сердце бесконечно-огромно, все-таки оно не могло бы вместить столько любви, сколько им хотелось бы Ему оказать. Это возбуждает в них решимость—служить Ему усердно, и страдать ради Него. В любви есть сила, которая побеждает, пленяет человека, которая

овладевает им так, что ему невозможно не ответить на нее любовью. Любовь Божия рождает любовь к Нему в нас: наша любовь вызывается любовью Его.

Немощная душа! Что получаешь ты от Христа, когда приходишь к Нему? Можешь ли ты сказать: „Я люблю Его теперь больше, чем прежде; никогда я не приближаюсь к Нему без того, чтобы не увеличилось чувство моей любви к Нему?"..

Из полноты Его мы получаем „благодать на благодать", любовь на любовь. Одним словом, верою мы взираем на славу Господню, как в зеркале, „преображаясь в Его образ", образ же Божий—любовь.

Ничто так не возбуждает в нас любовь *к Христу*, как чувство любви *Христа* к нам. Его любовь есть магнит, притягивающий к себе нашу любовь. Как масло, подлитое в огонь, увеличивает пламя, так любовь наша к Христу увеличивается, когда мы снова и снова открываем чудеса Его любви к нам.

Любовь питает любовь. Если родители обнаруживают свою любовь к детям и благоразумно поступают с ними, то вполне естественно, что взаимная любовь все более и более сближает их. Так естественно и то, что, чем более познает душа обилие Божественной любви к ней, тем более пламенеет она любовию к Богу.

Как мы накачиваем воду в трубу, желая наполнить водоем, так раньше, чем „утешаться" Христом, необходимо нам „наполниться" любовию Его. Это объясняет все важное значение молитвы апостола, чтобы мы постигли „со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, и уразумели превосходящую разумение любовь Христову".

Возлюбленные во Христе братья! Просите Господа—даровать вам больше познания любви и благости Христовой. Тогда, немощные и вялые, вы получите силу—итти по путям Его. Всем нам приходится плакать о том, что мы недостаточно любим Бога! Поспешим же воззвать к Богу о помощи, дабы воспользоваться проявлениями милости Его, которыми Он готов окружить нас.

VI. Любовь к личности Господа Иисуса—высшая ***отрада*** Божественной жизни. Следует отметить, что „песня невесты", несомненно выражающая самый возвышенный вид любви, состоит главным образом в описании ***личности*** Жениха, а не в описании совершенных Им дел. Вся книга Песнь Песней дышит любовию, и любовь эта относится к священной ***личности*** Возлюбленного. В чудных словах неземной мелодии с гармоничной последовательностью изливает здесь Церковь хвалу совершенству Христову. „Возлюбленный мой бел и румян, лучше десяти тысяч других. Голова его—чистое золото; кудри его волнистые, черные, как ворон; глаза его—как голуби при потоках вод, купающиеся в молоке, сидящие в довольстве; щеки его—цветник ароматный, гряды благовонных растений; губы его—лилии, источают текучую мирру; руки его—золотые кругляки, усаженные топазами; живот его—как изваяние из слоновой кости, обложенное сапфирами; голени его—мраморные столбы, поставленные на золотых подножьях; вид его подобен Ливану, величествен, как кедры. Уста его—сладость, и весь он—любезность" (П. П. 5, 10—16). Здесь воспевается не венец, а *глава*, не ризы спасения, а весь *облик* Христов, не сандалии, а самые *ноги* Его. Песнь прославляет не сошествие Его с неба на землю, с престола „Ветхого днями", не Его господство над огнем пламенеющим (Евр. 1, 7), не первосвященническое Его непрерывное служение и не царственное владычество Его: песнь эта воспевает уста, всякое слово которых—дивная мелодия, восхваляет

несравненную *духовную красоту* Его, ничего не упоминая о славе, Им обретенной высокими Его подвигами и всемогущим милосердием Его.

Таков язык настоящей любви: несомненно ценя дары своего мужа, почет и титул, которым он пользуется, жена сосредоточивает, однако, любовь свою не на них, а на самой его *личности*, любит *его* больше, чем его богатства, и уважает его за него самого больше, чем за его положение в мире.

Мы не хотим этим сказать, что в первоначальных фазисах нашей любви к Христу мы *не достаточно любим именно личность Его*. Мы знаем, что самое начало любви направлено к Христу, и во всякое время душа стремится к *Нему;* но мы подчеркиваем только разницу, которая всякому бросается в глаза, — разницу между любовью к какому-либо лицу, *ради получаемых от него благодеяний* или ради оказанных им услуг, — и любовью к нему *ради него самого*. Предполагать, что верующий любит дары и Божественную славу Христа, а не Его личность, было бы бессмысленно; но, утверждая, что он должен любить Христа *независимо* от Его заслуг и даров, мы поступаем правильно.

Мы все любим *Его*, но лишь люди духовно возрожденные, люди с стремлениями небесными—любят Его *ради Него Самого*.

Как отрадно размышлять нам о Том, Кто носит чудное имя „Еммануила" — „с нами Бог"! Многосторонняя, всеобъемлющая личность Посредника—Иисуса Христа—есть центр, сущность жизни верующего сердца. Христианин поклоняется Ему во всей полноте Его Божества, как Богу истинному от Бога истинного, Богу Предвечному, Бесконечному, Безначальному, Всемогущему, Неизменному... Он преклоняется пред ним, как пред „сущим над всем Богом, благословенным вовеки" (Римл. 9, 5); он воздает Ему почитание и любовь, как Отцу вечности, Князю мира; и в то же время он боготворит Его, как родившегося в Вифлееме младенца, как Мужа скорбей, Сына Человеческого. Он—кость от костей и плоть от плоти нашей, искушенный, подобно нам, во всем, признающий сынов человеческих близкими своими. Человек, и в то же время—Бог; близкий друг людей—но и Творец; Младенец—и Безначальный Бог; отвергнутый—но и Превознесенный; подвергшийся бичеванию от грешников—и всетаки Всемогущий; умирающий—и в то же время вечный... Он—дорогой Искупитель наш, Который должен всегда быть предметом нашей любви, нашего благоговейного поклонения.

Даже и в те минуты, когда вера ослабевает, когда в душу христианина закрадывается сомнение — действительно ли он принадлежит Господу?—даже и тогда мысли его о том, на какой высоте стоит личность его Господа—не изменяется. „Еслиб Он даже меня умертвил, я должен любить Его. Если даже Он отвратит от меня взгляд Свой, я не могу не благословлять Его. Он благ и справедлив, хотя бы даже Он осудил меня навек. Я не могу не прославлять Его, даже если Он откажет мне в Своем милосердии; потому что Он—Христос славы. Никогда не отрекусь я от этих слов, хотя бы Он и закрыл сердце Свое для такого недостойного грешника, как я".

Таковы чувства возрожденного чада Божия, когда он верою видит своего Господа во всей Его полноте.

Вид горевшего и не сгоравшего куста заставил Моисея снять обувь с ног своих; чудесный же вид Господа Иисуса заставляет нас совлечь с себя ветхого человека с мирскими интересами его. Когда перед нами образ Его, всякая красота человеческая теряет свою прелесть для нас. Он в Себе сосредоточил всю славу, и как солнце—сияет ею!

Вид Господа Иисуса устанавливает такую тесную связь человека с Ним, вызывает такую любовь, такое умиление духа, что духовное настроение это часто кажется „плотскому" человеку преувеличенным и напускным. На самом же деле оно является только естественным, невольным и искренним выражением любви, которою горит сердце христианина. Вот почему было столько нападок на Песнь Песней, и оно с таким трудом попало в число канонических книг. Людям чужда Божественная любовь к Господу Иисусу, потому и непонятен им язык исполненного духовным восторгом сердца. Плохо переводят небесный язык на свое наречие те, которые приравнивают его к безумным бредням, внушаемым человеческими страстями!

На одного лишь Господа Иисуса устремлен взор возлюбившего Его христианина, и часто, обращаясь к своему Господу, он употребляет выражения, понятные лишь для Господина его, выражения вызвали бы презрение со стороны людей светских, еслиб они услыхали их. И, несмотря на все это, любовь, подобно премудрости, „оправдана чадами ее" (Матф. 11, 19).

О, если бы мы всегда пребывали вблизи Христа! Если бы сердца наши удовлетворялись Им Одним! Новообращенный должен себе составить ясное представление о личности Иисуса Христа, и затем молить Духа Святого—охватить всю душу его пламенем любви Христовой. Любовь к Господу Иисусу есть основание всякого рода благочестия, и сила этой любви всегда свидетельствует об уровне нашего искания славы Его. Будем любить Его всем сердцем нашим: тогда будет благословенна и работа наша, будет плодотворна и жизнь наша.

VII. Общение со Христом, нами сознательно осуществляемое, производит особенную любовь к Нему в сердце нашем. Дух Святой минутами дает разуметь и чувствовать *особенную близость* Господа Иисуса к душе. Иногда мы ясно видим, что Христос — *Брат* наш. С новым воодушевлением поем мы гимны, в которых упоминается наша тесная связь с Спасителем. А иногда душа томится желанием: „О, *еслиб Он был Братом* моим!" И вот—желание исполняется: с бесконечным снисхождением подходит Христос к человеку, и дает ему понять, что не стыдится его назвать братом Своим. Снимая покров, скрывавший от нас доселе лик Его, Он открывается нам, как Сын *Человеческий*, как близкий наш, как единокровный, связанный с нами узами телесными. Дух наш с радостью познает Его, как „первородного между многими братьями", и Дух Святой напоминает нам, что мы „сонаследники Ему", хотя Он „Наследник всего". Уже одно сознание тесной родственной связи с Господом Иисусом не может не исполнить сердце наше глубокой любовью к Нему; но теперь, когда Он Сам являет нам это родство, душа наша истаевает от блаженства. Сладкое название „Брат" наполняет ее ароматом и оживляет ее.

Нам случалось испытывать такое блаженство при размышлении об этом небесном даре, что все почести земные и вся слава мира сего казались ничем—пред этим сокровищем. За это одно мы готовы были бы отдать все свое земное счастье, и безумцем нам показался бы тот, который этому „первородству" предпочел бы „чечевичную похлебку" благ земных.

Бог Дух Святой дал нам сознать всю полноту близости к нам первородного Брата нашего, и это сознание залило ликованием нашу душу. Все существо наше было поглощено одной бесконечно возвышенной мыслию, возбудившею в нас невыразимую нежность. Мы

прижались к груди Господа Иисуса, плакали слезами радости, и изнемогали от сознания Его чудной любви, признавшей нас костью от костей и плотью от плоти Его. Мы чувствуем, что мы обязаны любить нашего Брата; сама природа требует теперь, чтобы мы Ему отдали безраздельно все наше сердце; и в такие минуты действительно мы принадлежим Ему всецело—по праву кровного родства.

Существует еще и другая родственная связь наша с Господом Иисусом, а именно—связь с Ним как с „Супругом"; тогда мы Его любим и любовию „невесты". Молодые христиане вступают также „в брачный союз" с Христом, но они в большинстве случаев не осуществляют всего преимущества этого факта; более же зрелые верующие глубоко этот союз чувствуют: они исполнены радости, пользуясь любовию, защитою, помощью и высоким положением, которые им дарует Благословенный Господь. „Твой Творец есть Супруг твой" (Ис. 54, 5)—слова эти услаждают душу их, и они утешаются сознанием этой истины день и ночь, когда Дух Святой им об этом особенно напоминает. Спокойствие и доверие к Богу водворяются в душе; именно этим,—а не каким-либо иным путем,—обретают верующие души горячую любовь к Христу, и непрестанное единение с Ним.

Господь называет Церковь „невестою", „супругою" Своею, и являет нам всю славу нашего положения. „Пойдите и посмотрите, дщери Сионские, на Царя Соломона в венце, которым увенчала его мать его в день бракосочетания его, в день радостный для сердца его" (П. П. 3, 11).

Сердце Господа Иисуса ликует, и душа Его торжествует, когда Он вступает в „брачный союз" с помилованными грешниками; и радостью великою радуются в ответ на это избранные Божии. Углубись в это сознание близости к тебе Бога твоего, и сердце твое будет согрето благодатию Его!

VIII. Уверенность в нашем кровном родстве с Господом Иисусом претворяет все чувства и страсти земные в святое пламя любви к Богу. По повелению Господа, мы теперь соединены с благословенной Главой завета,—с Господом Иисусом Христом. Это вечное единство с Ним было предначертано искони, но мы *лично* познали его только *теперь, когда Дух Святой соблаговолил нам это открыть.* Нам теперь легко повиноваться Господу: мы сознаем свое единство, свое родство с Ним. Кто не любит плоти своей?

В этой живой связи души со Христом заключается, вместе с тем, и залог, и тайна—*духовного совершенствования человека;* когда же человек возрастает духовно, то углубляется и усиливается любовь его к Богу. Таким образом, постоянное сознание отожествления его с Господом является самым дивным плодом работы Духа Святого в душе избранного чада Божия, и любовь, истекающая из этого сознания, носит особенно возвышенный, духовный характер. Ничто не может сравниться с нею. Едва ли другие средства, какими бы действительными они ни были, могут создать подобную любовь.

Но надо помнить: близости с Господом Иисусом мы не достигнем до тех пор, пока не дойдем до такого состояния, *когда ничто иное,* никакая земная привязанность, *нас больше не удовлетворяет.*

Ни с каким земным счастьем нельзя сравнить той полной радости, которую чувствует человек, находясь в общении с Господом своим—еще здесь, в этой жизни. Но и эта радость есть только намек на то блаженство, которое предстоит испытать искупленной душе в ином мире, когда она узрит Спасителя своего лицом к лицу, вступит в „союз

брачный“ с Ним, и будет вечно пребывать с Ним в общении. И если уже искра Его любви могла растопить наше сердце, пока мы жили на земле, то мы можем представить себе, что полное общение с Ним обратит в любовь *все* существо наше.

Хорошо, что в мире ином мы „изменимся“: иначе при теперешней нашей земной ограниченности, мы умерли бы от избытка любви! Один выдающийся христианин был однажды так подавлен откровением о любви Христа, которое он получил через Духа Святого, что ему казалось, что бренное тело его не вынесет такого блаженства, и он воскликнул: „Довольно, Господи! Не могу больше!.. довольно!..“ Там же, в нашей загробной жизни, когда „все мы изменимся“, мы сможем прямо черпать из этого источника любви, благости, святости Бога... Мы залиты будем лучами этой любви, и какие слова выразят то изумление, тот восторг, которые испытает тогда душа человека?

Не можем мы и представить себе всего величия гимна хвалы и всей силы послушания, которыми мы ответим на эту достигшую полного совершенства любовь. Неописуемо блаженство святых, когда потоки их любви ко Христу встретятся и сольются с океаном любви Христа к ним, и когда наступит блаженство бесконечное.

Эта дивная перспектива уже теперь несказанно радует сердце. Что же будет тогда, когда блаженство наше сделается действительностью? Будем же всякий день ждать наступления часа, когда мы „преобразимся“ при внезапном появлении Самого Господа, пришедшего, дабы ввести нас в Свою вечную славу.

Возлюбленные сонаследники ожидающего нас блаженства! Мы рассмотрели некоторые причины и фазисы христианской благодатной любви; спросим же самих себя: *имеем ли мы эту любовь?* Горяча или холодна она? Слабеет ли она в нас, или возрастает? Как относится сердце наше к Богу и ко Христу? Не отличается ли оно недостатком горячности?

Да! Мы должны сознаться в этом. Косны мы, медлительны мы сердцем!.. Если бы вышеприведенные доводы могли читателя моего побудить вознести на высоты любви тяготеющую к земле его душу!.. Будем молить Духа Святого—излить любовь Христову в сердца наши!

Найдется, быть может, насмешливый критик, который все наши рассуждения о любви сочтет болезненной сентиментальностью, так как он признаёт лишь философский взгляд на любовь. Для него религия—идея, а не чувство. Он верит в божество холодное, бесчувственное; само верование его—умозрительное, недопускающее ни малейшего сердечного энтузиазма.

Разум, „небесный Разум“—бог его, и чувство должно замереть пред ним. Но я напомню такому человеку, что религия Креста имеет целью *произвести глубокое волнение,* глубокий *переворот* в душе, и всюду, где она действительно признана, она этой цели и достигает; если же она такого действия на сердце человека не оказывает,—это служит доказательством, что ей не дано было простора в сердце этом.

Мы нисколько не удивляемся, что для человека, сводящего религию к перечню истин, доступных разуму,—религия лишена всякой силы, всякого значения: дело в том, что задача ее совершенно иного характера. Святое Евангелие прежде всего обращается к „сердцу“, и, пока голос его не будет услышан в этом сокровенном тайнике человеческого существа, он остается неуслышанным вовсе. Пока единственным слушателем его является разум—дивные звуки мелодии Креста, как бы она очаровательна ни была, не будут услышаны человеком.

Винэ в своей книге так говорит об этом: „Как может разум, холодный разум, постичь такой, например, факт, как возложение наказания, вместо виновного, на невинного Праведника?.. Постичь все величие сострадания, проявляющегося в самой строгости возмездия за грех,—в этом акте пролития Крови, без которого, как сказано, не бывает искупления грехов? Никогда,—я твердо в этом уверен,—никогда разум человека не познает Божественную истину, если, отрекшись от своих предвзятых умозаключений, он не предоставит более могучей силе разобраться в этих трудностях. Сила эта—сердце, которое способно ощущать любовь; любовью же дышит все дело искупления; она не отводит своего взора от страданий, перенесенных святою Жертвой, и дает возможность впечатлению, производимому этой беспримерной любовью, проникнуть в глубину и охватить своим пламенем все наше внутреннее существо. Как быстро тогда разрываются покровы, скрывающие истину, и как легко рассеиваются затемняющие ее тени! Как нетрудно все понять тому, кто хочет понять любовь!"

Для сердца—все божественные тайны оказываются простыми: в то время как разум в недоумении останавливается пред недосягаемыми высотами—любовь свободно возносится на их вершины.

Опыту отводится большое место во всякой науке; духовный опыт имеет высокую ценность, а чувство играет большую роль в этом духовном опыте. Кто хочет глумиться над духовным опытом людей—пусть. Это не должно нас трогать. Пусть считает выдумкой или игрой воображения переживаемые верующими людьми восторги общения с Богом и сознания Его любви к нам: *мы*-то ведь ярко чувствуем, что это не воображение—наша ответная, благодарная любовь к Нему, любовь, которая так возвышает нас и облагораживает!

Принято называть „мыслящими" тех проповедников, которые равнодушно стараются примирить метафизические софизмы и тонкую игру слов с различными еретическими учениями; они критикуют проповедника, который всячески старается вывести своих слушателей из ледяной бесчувственности, обращаясь к их *сердцу*, и гордятся тем, что их собственные проповеди настолько глубокомысленны, что бывают понятными лишь немногим слушателям... Нечего и спрашивать себя, заслуживают ли люди эти название „мыслящих"... Что лживая изворотливость не есть еще доказательство ума—это не требует доказательств; да и непонятность речи не есть следствие развития ума... В истинной религии должно быть равновесие между верой, размышлением, пониманием и рассудительностью; но, в то же время, в ней должно преобладать чувство любви, высокие стремления и возвышенность целей. Такая религия, которая умещается в *мозгу* человека—не многого стоит...

Любить много—вот мудрость; возрастать в любви—значит возрастать в познании и преуспевать в понимании Божественных истин.

Ищи любви, христианин; стремись всеми силами пребывать в общении со Христом, проникаться любовию Его, и все побеждать Его благодатью!

К необращенному читателю.

Друг, я не буду вас страшить возмездием за неисполнение закона, хотя оно и ожидает вас... Я желаю только блага вашего, и если угрозы не могут пробудить вашу совесть, то я хочу обратиться к вам с увещаниями. Да благословит Дух Святой это средство для спасения души вашей!

Господь Иисус искупил Себе бесчисленные души грешников. Но чем, собственно, были они по природному своему естеству?

Искупленные *до* возрождения своего находились в узах беззакония, были чадами гнева; они были отчуждены от общества детей Божиих, чужды заветов обетования; они избрали себе „богов иных“ и поклонялись „идолам“; жили по обычаю мира сего, действовали по внушению князя его, до сего дня действующего в сынах противления; они утопали в грехах, были выброшены на поле на попрание и гибель (Иез. 16, 2); издевались над Богом, были союзниками ада, обречены были на смерть; и, однако, несмотря на все это, они оказались избранными, были искуплены и получили чудное звание сынов и дщерей Божиих...

Если, друг, благодать Божия могла это сделать для всех этих людей, почему не совершит она этого и для вас? *Сознаёте ли вы необходимость этого?* Жаждет ли сердце ваше милосердия Божия? Хотите ли вы получить спасение определенным Богом путем? Если—да, то—мужайтесь! *Вам* принадлежит обетование Его. *За вас* была пролита Кровь Господа Иисуса. Дух Святой действует *в вас*; к вам близко спасение ваше. *„Всякий, кто призовет имя Господне, спасется“* (Римл. 10, 13). Вопли ваши будут услышаны, ибо они исходят из „сердца сокрушенного“ и из „духа смиренного“. Помните, что только одна вера в Господа Иисуса может даровать мир человеку.

Но если вы остаетесь все еще нечувствительными и непреклонными к зову Божию, если сердце ваше все еще холодно и полно интересов мирских—тогда позвольте пишущему эти строки принести душу вашу к ногам Господа Бога его!

Да согреет вас Господь огнем Слова Своего! Да разобьет он молотом Своим каменное ваше сердце, и да повергнет вас к ногам Своим! Горе вам, пока этого не случится! Да вырвет вас всесильная благодать Божия из гибельной гордости, и избавит вас от пути, ведущего к смерти!

Бедный человек! Сердце брата сокрушается о вас, и он мечтает о вашем спасении. Почему вы так равнодушны к собственной судьбе, между тем, как другие проливают о ней слезы?

Ради молитв матери вашей, слез вашей сестры и страха отца вашего прошу вас: не будьте так равнодушны к вечному блаженству!

Начинаете ли вы понимать все это? Готовы ли теперь воскликнуть: „Встану, пойду к Отцу моему?“ О, не сомневайтесь, что Он милостиво примет вас, с радостью встретит и увенчает вас щедротами Своими.

О Царь и Бог мой! Слово силы
Во время оно Ты сказал,—
И сокрушен был плен могилы,
И Лазарь ожил и восстал.

Молю, да слово силы грянет,
Да скажешь: „встань!“ душе моей,—
И мертвая из гроба встанет,
И выйдет в свет Твоих лучей;

И оживет, и величавый
Ее хвалы раздастся глас
Тебе—сиянью Отчей славы,
Тебе—умершему за нас!

А. Х.

ЗАКОН.

Вникаю в закон совершенный
По правде святой неизменный...
Господь и Создатель вселенной
Его на Синае изрек,
И в книге своей вдохновенной
Его нам оставил пророк.
В нем Божьих путей откровенье,
И слабой душе укрепленье.
Он тайны сердец проникает,
Добро от неправды сечет,
Он дивно простых умудряет,
И к свету познанья влечет.
В Нем вечных судов возвещенья,
Страх Божий, и Божьи веленья.
Законом открылась греховность,
Нечестье и гибель людей, —
Но в Нем же сокрыта готовность
Спасти их от адских цепей.
Закон есть надежный водитель
К Голгофе, где страждет Спаситель.
Нашел он свое исполненье
В мученьях и ранах Христа,
А я приобрел избавленье
От власти его у креста...

Н. Казаков.

ПРИДИТЕ... и ИДИТЕ.

Матф. 11, 28; Марк. 16, 15.

Придите!
Злобу удалите—
Не место ей здесь у креста.
Возьмите
С смиреньем взгляните
На тяжкие муки Христа!
Придите!
Христа вопросите:
„Виновник кто казни Твоей?“
Внемлите:
„Меня *вы* казните
Грехами и жизнью своей!“
Придите!
Свой взор устремите
На лик Иисуса Христа.
Поймите,—
Кого вы казните?
Кого довели до креста?

Придите!
Колена склоните
Скорей у подножья креста.
Возмите
Грехи и сложите
У ног Иисуса Христа.
Придите!
Прощенье возьмите—
Дает его Божья любовь.
Идите!
Хвалу вознесите
Христу за пролитую кровь.
Идите!
Других привлеките
К Голгофе, к подножью креста.
Спешите,—
Скорей укажите
Вы всем на страданья Христа.

Идите!
И радость несите
Везде, где не знают Христа.
Любите...
Пример покажите—
Пусть жизнь ваша будет чиста.

Н. Н.

САВЛ—ГОНИТЕЛЬ.

1 Тим. 1, 12—14.

Из Вениаминова колена,
Чистокровнейший еврей,
Старцев дряхлых молодая смена
Савл был пылкий фарисей.

В день восьмой обрезан по закону,
Строго он его берег
И по ревности святой к Сиону
Христиан терпеть не мог.

Назарейской ересью считая
Все учение Христа,
Савл, ненавистью к нему пылая,
Был лютым врагом креста.

Убиение Стефана с жаром
Он публично одобрил
И его убийц одежды даром
От покражи сторожил.

Как бы видом крови разъяренный
Савл угрозами дышал
И враждой к святым разгоряченный
Он жестоко их терзал.

Пытки, узы, смерть без сожаленья
Всюду Савл-гонитель нес,
Глух он был к словам любви, моленья,
Черств к потокам жарких слез.

Думал: против Иисуса много
Надо действовать ему,
Понуждал хулить Мессию Бога
По неверью своему.

От духовных лиц высоких в чине
Власть имея на руках,
Савл пошел в Дамаск в своей гордыне,
Наводя на Церковь страх.

Много сделал зла святым гонитель,
Но утехи не имел
И, как всякий злобный враг губитель,
Он все новых жертв хотел.

Сокрушить в Дамаске Церковь Божью
Савл стремился всей душой,
Чтоб покончить с „назорейской ложью"
И найти тогда покой.

На дороге с неба свет блестящий
Савла ярко осиял,
Страх объял его, и он дрожащий
Наземь точно сноп упал.

И был голос: „Что ты гонишь в мире,
Исповедников Моих,
Мой рожон—любви острие, шире
Против дел стоит твоих?"

— „Кто Ты, Господи", — дрожа, взывает
Савл, болезнено скорбя?
Иисус Спаситель открывает
В этот миг ему Себя.

— „Что мне делать повелишь отныне,
О гонимый мой Господь,
Быть рабом Твоей лишь благостыни
Жажду я до смерти вплоть?"—

— „Встань, иди в Дамаск и там в молитве
Повеленья ожидай"...—
Савл восстал, ослеп он с Богом в битве,
Но в душе был мир и рай!..

Чрез Ананию глазам прозренье
Савл по вере получил
И Дамаску свет и искупленье
В Иисусе возвестил.

Дикий образ зверя и тирана
Изменился вдруг в овцу.
Савлу имя Павел было дано,
Чтоб он с ним служил Отцу.

Стал гонитель вестником Христовым,
Образцом для всех святых,
Откровеньем тайны Церкви новым
Он порадовал всех их.

Так своей любовью покоряет
Бог противников креста
И из них в тиши приготовляет
Он свидетелей Христа!

Ф. Санин.

ГОНИМЫЙ ЗА ВЕРУ.

Егоров родился в 1860-х годах в Московской губ., в деревне Строково. С 13-ти лет, оставшись сиротой, ему пришлось скитаться по чужим людям, работая батраком. Затем, подростком, он попал на железную дорогу, где самоучкой прошел грамоту, постепенно дошел до должности железнодорожного мастера, и зажил самостоятельно.

Протекали годы. Однажды Егоров сильно заболел и пролежал в постели несколько месяцев. Будучи с самого детства религиозным, он серьезно задумался о будущей, загробной жизни. Он ощущал чувство страха при мысли, что может умереть во грехах, а потому он дал обещание Богу, что если он останется жив, то совершит далекое путешествие по святым местам.

Оправившись от болезни, Егоров посетил Палестину, Киев и др. места; прошедши сотни верст пешком, он вернулся домой с неудовлетворенной, томящейся во грехах душой.

Как-то вечером, идя с работы, Егоров зашел в чайную. Хозяин чайной, Бабенков, знавший о путешествии Егорова, подошел к нему с Библией и показал ему несколько мест, говорящих о том, как надо искать спасение и что прощение грехов нисколько не зависит от паломничества. Егоров молча слушал, затем сильно разобиделся на „еретика", и дал себе слово ни за что больше не заходить в чайную.

Однако, не прошло двух недель, как Бабенков, увидя идущего по станции Егорова, начал усиленно звать его к себе. Егоров всеми силами старался отвязаться от него, но в конце концов настойчивость Бабенкова заставила его зайти в чайную. Опять Бабенков взял Библию, опять начал говорить о покаянии. Когда же он прочитал места о том, что иконам не следует поклоняться, возмущенный Егоров заявил:

— Довольно, не хочу больше слушать. Я никогда не читал Библии, да это и не наше дело. Так вот, дайте мне карандаш, я запишу все места, которые вы читали, куплю Библию, но только православную, и если найду в ней все, что вы читали, тогда поверю.

Егоров отправился в книжный магазин покупать Библию. Каково же его было удивление, когда, придя домой, и раскрыв страницы Свящ. Писания, он нашел все, что читалось в чайной. С этого момента у Егорова начались дни тщательного разбора впервые читаемой им книги. Прошло немного времени— и у него появилась вера, что прочитанные им слова есть слова Самого Господа; просветлел путь спасения, и, чем он больше читал, тем яснее делалось у него на душе. И понял Егоров, что **можно** получить прощение грехов через веру и искреннее покаяние, и что **можно** жить жизнью истинного христианина. Став на колени перед Господом, он в сокрушении сердца излил перед Ним всю свою вину греха. Омылась душа Кровью Агнца, и родилась для новой жизни. Исцелился Егоров от многих пороков. Снял в своей избе иконы и начал молиться живому Богу.

Весть о непонятной перемене Егорова быстро облетела его соседей и ему дали определение — „еретик". Жену его стали упрекать, что она не сохранила иконы, а детей на улице—дразнить „новой верой". Егоров же с каждым днем, читая Слово Божие и имея близкое молитвенное общение с Господом, все больше и больше укреплялся в вере.

— Добрый человек, пустите к себе переночевать, на поезд запоздал, а обратно в деревню итти—далеко,—услышал у дверей своего дома Егоров в один из темных, дождливых вечеров.

Егоров, обрадовавшись, что представляется случай оказать любовь человеку и побеседовать с ним о Боге, принял путника. Обогрев, высушив и накормив его, Егоров открыл Библию и начал читать.

— А почему у вас икон нет?—спросил незнакомец.

Егоров прочитал ему из евангелия Иоанна 4, 20—24.

— Так, так, правильно писано, это все попы ввели людей в заблуждение, научили народ кланяться дереву,—начал он злобно поносить духовенство,—на одну бы их всех веревочку, да и потопить-то не жаль.

— Зачем поносить. Не христианское это дело,—останавливал его Егоров.

Но гость не унимался. Как ни стремился Егоров говорить с ним о Господе, незнакомец все время засыпал его вопросами о духовенстве. Какое-то недоверие к нему шевельнулось в сердце Егорова: „уж что-то он все выспрашивает?“

Ночью гость собрался уходить.

— Куда же это вы?—спросил Егоров. Но вместо ответа он услышал как хлопнула дверь.

Через несколько дней после беседы со странным посетителем, Егоров получает от своего начальника телеграмму. Распечатывает, читает—и ничего не понимает: „По вызову главного мастера немедленно явитесь на станцию Чусовую“. Егоров прямо с работы, с закопченным лицом и в вымазанном мазутом костюме, выехал на зов. Встретив Егорова, начальник заявил:

— Вы получили телеграмму в искаженном виде—не мастер вас вызывает, а православный миссионер, который приехал из г. Перми, чтобы устроить для вас публичное увещание в присутствии рабочих, служащих и местных жителей.

Егоров удивился. С печалью вспомнил, что меч для защиты—Библия, остался дома. Почувствовав себя беспомощным, он обратился к Господу с просьбой, чтобы Он дал ему мудрость для ответов. Успокоившись, он вышел на перрон, ожидая предстоящее собеседование. Стрелка железнодорожных часов подвигалась к 2-м, и мимо него потянулась вереница лиц в здание диспута.

Наконец показалась фигура миссионера в сопровождении местного священника и двух жандармов. Через несколько минут жандарм пригласил Егорова в зал.

Открыв двери зала, он увидел многочисленную толпу, взоры которой были устремлены на него. Впереди, за столом, на котором лежали пять толстых книг, сидело духовенство. Расступившаяся перед Егоровым толпа засыпала его насмешками; до его слуха, при общем шуме доходили отдельные отрывки: „еретик, святой, богохульник—иконы потоптал, неуч, даже против священства пошел“... Миссионер пригласил его сесть рядом с собой. Егоров спросил:

— По какому делу вы меня вызвали?

— Хотим всенародно побеседовать с вами, чтобы православные перестали смущаться вашей ересью. Егоров попросил себе Библию.

— У нас нет Библии, мы будем говорить с вами по этим книгам,—указывая на сборники по борьбе с сектантством, заявил миссионер.

— Ваше преосвященство, у меня дома есть Библия, может быть принести ее?—предложил свои услуги жандарм.

— Не надо,—коротко ответил миссионер.

— Сейчас приступаем к беседе; вы перед народом будете отвечать на все вопросы,—сообщил миссионер.

„Господи, напомни мне Твои слова, помоги мне, малограмотному, постоять за истину библейских слов перед ученым духовенством“, мысленно воззвал Егоров к Господу.

— Почему вы перестали почитать иконы?—спросил миссионер.

— Потому что Бога никто никогда не видел. Божество не подобно золоту или серебру, получившему образ от вымысла человеческого. Не сотвори себе кумира и всякого подобия, говорит нам заповедь Божия. Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине,—вспоминая тексты из Свящ. Писания,—ответил на вопрос Егоров.

— А почему вы не поклоняетесь кресту?—Этим самым вы попираете подножие Господа Христа.

— Во-первых, потому, что крест есть изделие рук человеческих, а во-вторых—крест для Христа явился орудием позора. А где подножие Господа? Он говорит: „Небо престол Мой, и земля—подножие ног Моих“.

— Вы уподобляетесь татарину: не говеете, не причащаетесь, не ходите на исповедь.

— А как вы думаете, ежели меня Господь не простит, может ли простить священник мои грехи?—спросил Егоров.

— Конечно нет.

— Так вот знайте, что меня Господь простил, омыл Своею Кровью, избавил меня от пьянства, злоречия и всякого беззакония,—так зачем же мне итти на исповедь к батюшке? Один Ходатай у нас пред Отцом Небесным—это Сын Его, Христос,—засвидетельствовал Егоров.

Последовало длинное об'яснение миссионера о кресте, иконах, исповеди и т. п.

— Почему вы самостоятельно читаете Евангелие? Ведь вы малограмотный, а потому можете толковать Свящ. Писание как вам нравится, и в этом заключается причина вашего изуверства,—ответил миссионер.

— Прежде чем читать Слово Божие—я молюсь, чтобы Господь открыл мой ум к уразумению, а толковать по своему я не толкую, потому что понимаю так, как написано, а чего не понимаю, то верю, что Господь откроет после,—сказал Егоров.

— Вот-те и неграмотный, смотри, как знает Евангелие, какой начитанный,—крикнул кто-то из толпы. Заговорили, зашумели слушатели, кто за Егорова, кто против него. Миссионер, увидев, что настал момент, когда нельзя ничем успокоить народ, об'явил:

— Беседа продолжится в следующий раз, об этом мы постараемся известить вас, а теперь—будем расходиться.

— Отпускаете меня домой?—спросил его Егоров.

— Да, поезжайте.

С легким, радостным сердцем и славословием на устах возвратился домой Егоров и обо всем рассказал своей недавно обратившейся жене и единственному другу—Бабенкову. Втроем они в горячих молитвах воздали славу Господу за проявленную Им силу.

А на другой день Егоров получил уведомительную записку об его увольнении со службы, а также предложение—выехать в другое место.

Егоров со своей семьей переехал в г. Муром, и провел несколько дней в поисках работы.

Не успел он еще осмотреться на своем новом местожительстве, как местный следователь потребовал его к себе на допрос.

— Пожалуйста, изложите в письменной форме ваши религиозные убеждения. Пока же оставьте свой паспорт у меня. Возвращение его всецело будет зависеть от изложенного вашего учения. Без паспорта вы не сможете никуда поступить на службу,—сообщил следователь.

Пока Егоров шел домой, в голове его пронеслось много мыслей. Придя домой, он сел за стол и написал: „Я верю во Христа, как в личного Спасителя, Который через чтение Свящ. Писания указал мне истинный путь. Бог есть любовь, если мы любим друг друга, то Бог живет в нас (I Иоан. 4, 12). Иконе не молюсь и рукою не крещусь, потому что Бог не требует Себе служения рук человеческих (Деян. 17, 25). Признаю все написанное в Слове Божием и не верю тому, чему учат люди, а не Бог“.

Егоров подал „свои убеждения“, и—паспорта не получил.

Для семьи Егорова наступили тяжелые дни испытаний. Шестеро детей от голода часто плакали; они жаловались также, что на улице мальчишки их бьют, и называют „басурманами“, „богохульниками“. Егорову приходилось продавать вещи, и кое-как существовать на эти деньги. Каждый день какая-нибудь вещь исчезала из дому. Дети ходили в оборванных платьях и сапогах, спали на голом полу и питались одним картофелем.

Не с кем было Егорову разделить духовного общения, негде было послушать живого Слова Божия. Чтение и беседы с кем-либо в его доме были строго запрещены. Несколько раз ходил он к следователю с просьбой—возвратить ему паспорт и разрешить выехать в другой город. После долгих ходатайств, Егоров, наконец, получил паспорт и, поселившись в другом месте, поступил на службу.

Не прошло месяца, как местный следователь вызывает Егорова на допрос.

— Скажите, почему вы меня так преследуете?—спросил его Егоров.

— А вот за то, что вы еретиком заделались, да еще и других совращаете. Перестаньте распространять свою ересь, а иначе мы вас загоним туда, где некому будет говорить. Представьте мне свидетельство, что вы причащались,—заявил следователь.

От такого предложения Егоров отказался. На другой день он был уволен со службы, и принужден выехать обратно в г. Муром. Здесь на него был составлен протокол, в котором обвиняли его в богохульстве, кощунстве и святотатстве; его предали суду.

Потянулись долгие, томительные, голодные дни в ожидании суда. Куда бы ни явился Егоров—везде отказывали в работе. Случайно попадавшийся заработок кое-как давал возможность не умереть с голоду. Ходатайство, чтобы скорее разобрали его дело, оставалось без последствий.

Протекали дни за днями, месяц за месяцем; пришел к концу третий год,— а суда все не было. Егоров выбился из сил, впал в уныние, ему начало казаться, что крест гонения уже нестерпим для него.

Однажды ночью, когда все спали, Егоров сидя на скамье не мог сомкнуть своих глаз. Он смотрел на бледненьких, измученных голодом детей, раскинувшихся на полу, в лохмотьях... Вспомнилось, что уже несколько месяцев, как они не видели ни белого хлеба, ни горячего обеда, ни сахара, а питаются все время чаем, да сухой картошкой. Мучительной болью сжалось его сердце, человеческая слабость охватила все его существо.

Но не долго продолжались минуты тяжелой внутренней борьбы. Перед духовным его взором предстал светлый образ Христа—и сердце наполнилось любовью к Нему. Вспомнились Его страдания; пришли на память гонения и пытки учеников Христа и, наконец,—тяжелая их смерть. Вот—Павел избитый, в крови, а вот—Петр, закованный в цепи... Померкли, побледнели собственные его страдания перед этими яркими образами мучеников.

„Благодарю Тебя, что Ты удостоил меня великой чести—страдать за Тебя. Дай силы, Господь,—не унывать, но радоваться в скорбях",—с тихим, успокоенным сердцем вознес свою благодарность Господу Егоров.

Надежда на свою опору—Христа, как якорь, укрепила его; безмятежный сон успокоил его усталое тело.

На другой день утреннее солнце залило своими лучами убогую каморку Егоровых. Собрав всю семью, Егоров прочитал несколько мест из Библии. День начался в духовной радости и бодрости всей семьи.

Раздался стук в двери—и Егорову была вручена повестка, сообщающая о времени суда.

Сердце его наполнилось благодарностью Богу. Помолившись и попрощавшись с семьей, Егоров отправился на суд.

В ожидании суда его охватила тревога, беспокойство. Но вновь помолившись, он получил твердую уверенность, что сегодня он будет оправдан судом. Наконец, дверь суда распахнулась и Егоров спокойно, смело предстал пред судьями. Суд был назначен при закрытых дверях.

Егоров увидел двух свидетелей, первый—для него совершенно незнакомый; второй же—его сослуживец, туннельный сторож, которому, по его бедности, Егорову часто приходилось помогать!..

— Что вы знаете о Егорове?—спросил судья первого свидетеля.

— Ничего плохого о нем я не могу сказать; знаю только, что он не молится иконам. Второй же свидетель запутался в показаниях так, что судье пришлось его остановить.

Наконец, очередь дошла до самого Егорова. Прямо, честно и правдиво он засвидетельствовал о своих убеждениях. После длинного ряда вопросов, суд ушел на совещание и через некоторое время вынес ему полное оправдание.

Уходя из зала, Егоров подошел к своим свидетелям и пригласил их к себе на чай.

Арестованный паспорт Егорова был возвращен, и через несколько дней он поступил на службу.

Для Егорова начались дни усиленного свидетельства о Господе своим сослуживцам. Несколько человек серьезно заинтересовались евангельскими беседами, и начали регулярно посещать его домик. Весть о его убеждениях быстро разнеслась по станции.

Однажды начальник вызывает к себе Егорова и мягко ему сообщает:

— Я очень ценю и дорожу вами, как честным и трезвым работником. Очень хорошо, что ваши убеждения сделали вас порядочным человеком. Но дело в том, что закон не разрешает распространение вашего учения, а потому, не можете ли вы прекратить свои собеседования?

— Нет, не могу, согласно слов Христа—„Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие“ и „Кто постыдится Меня, того постыдится и Сын Человеческий“,—решительно заявил Егоров.

„Да, я это понимаю, но должен вам сообщить, что вам грозит опять увольнение, и, может быть, даже арест. Мне жаль вас и вашу семью, а потому я постараюсь перевести вас в другое место, а оттуда будут вас переводить в следующие места“. Егоров был тронут отношением своего начальника, и со слезами поблагодарил его. С этого времени начались годы переезда с одного места на другое, а с ними—новый посев евангельских истин.

Встречая все новые места, и не встречая себе подобных людей, Егорова охватили сомнения: „Уж не заблудился ли я в самом деле? Что-то ни одного человека не встречал я с одинаковой со мной мыслью“,—думал Егоров. Но, обращаясь к Свящ. Писанию, и проверяя по нему свои убеждения, он успокаивался, и сомнения разлетались, как пар.

Егоров начал внимательно присматриваться к тем лицам, которых гнали за веру, ища среди них своих единомышленников. Таким образом, он розыскал хлыстов и начал посещать их тайные собрания; но вскоре заметил, что хлысты явно искажают Евангелие, и перестал их посещать. Далее, встретился с молоканами, у которых начал проповедывать Слово Божие, но молокане отнеслись к его проповедям отрицательно, заявив ему, что они иначе понимают Слово Божие. Однажды, молокане сообщили Егорову, что их приглашают на с‘езд в Петербург братья „пашковцы“.

Со с‘езда молокане привезли несколько духовных брошюрок. С трепетом Егоров выпросил себе брошюрку под заглавием: „Пшеница или солома“; прочитав ее, он нашел, что она вполне согласуется с его взглядами. Кроме того, на брошюрке был прейскурант, и адрес, откуда можно выписать духовную литературу. Все, что можно было, Егоров выписал, и сердце его наполнилось радостью, что в лице писавших брошюры он встретил, наконец, своих братьев.

Спустя немного времени, в 1894 году, один молоканин указал, что в Самаре есть верующие, немного похожие на Егорова. Быстро Егоров собрался в путь—разыскивать своих братьев. Действительно его поиски не были напрасны: в г. Самаре он встретил небольшую группу верующих, проводящих тайно евангельские собрания. Побеседовав с ними, Егоров предложил помолиться вместе с ними, и в своей горячей молитве воскликнул: „Господи, благодарю Тебя, что наконец-таки Ты соединил меня с искупленными Твоими детьми!“ Вскоре, по вере, ему было преподано водное крещение.

Ликующим вернулся Егоров из Самары домой, в село „Кривая Лука“, и начал усиленно проповедывать Евангелие. Братья из Самары стали часто посещать Егорова. Прошло немного времени—и в селе образовалась небольшая группа верующих.

Однако, преследования не прекращались, и Егоров опять был переведен в новое место на ст. Дымка. Здесь он встретил очень темный народ—мордву. За свои беседы, он подвергся преследованиям со стороны суеверных жителей; покушались даже на его жизнь; но он во-время успел скрыться. Несколько раз у Егорова сжигали амбар с сеном, часто врывались с кольями в его избу; ежедневно бывал он в поношении и злословии за „новую веру“,—но невидимая Божия рука продолжала охранять его.

Он жив и продолжает усердно и успешно работать на ниве Божией.

В. Ш.

ПЕЧАЛЬ БОГАТОГО ЮНОШИ.

Ф. Кулен.

„И вот некто, подошед, сказал Ему: Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Он же сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Если хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди. Говорит Ему: какие? Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать, и люби ближнего твоего, как самого себя. Юноша говорит Ему: все это сохранил я от юности моей; чего еще недостает мне? Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мною. Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение".—Матф. 19, 16—22.

Господь Иисус обыкновенно поражает нас Своей необычной мягкостью и снисходительностью, даже по отношению к грешникам, с которыми Ему приходится встречаться.

Не то видим тут: необычно строго отнесся Он к этому юноше. А между тем, думается, юноша этот заслуживает всяческой похвалы. Действительно—молодой, богатый, окруженный соблазнами роскошной жизни—он, оказывается, не испортился. Ведь большие имения, это—большие искушения! Столько создается причин для лени, беспечности, гордости... Человек легко поддается всем своим похотям, заглушая голос совести.

И вот—ничего подобного однако не заметно в юноше, подошедшему ко Христу. Наоборот: по ответу его—в искренности которого невозможно сомневаться,—можно судить, что жизнь его—честная и чистая. Больше того: он интересуется духовными вопросами, вопросами веры. Материальные заботы о „временном" не заглушили в нем заботы о „вечном"... Его мучит вопрос: „Что сделать доброго, чтобы иметь жизнь вечную?"

Вероятно, он знал об Иисусе, слышал, что Он проповедывал о пришествии Царствия Божия, и имел—как о Нем говорили—„глаголы вечной жизни". И ему захотелось спросить у Него совета... Он не побоялся смешаться с толпою простолюдинов, возбудить общее внимание, пробираясь мимо теснящегося к Иисусу народа... Как все это хорошо!

И что же тут такого могло быть, чтобы побудить Иисуса—не ласково принять его и с готовностью ему ответить, а, наоборот,—довольно сурово, с первых же слов, остановить его замечанием?..

У ев. Марка добавлена еще одна подробность: во время разговора с ним—„Иисус, взглянув на него, **полюбил его**" (10, 17—27)... Значит, Он, сердцеведец,—понял этого юношу, увидал, что много в нем хорошего.

И тут приходит на ум такое соображение: вот **именно потому,** что Христос видел сердца людские,—не увидал ли Он в сердце этого хорошего юноши чего-нибудь такого, что пачкало его сердце?

В грешнике, казалось бы совсем уже закоренелом, прозревал Он святые чувства... Не открыл ли Он в этом вообще нравственном юноше чего-нибудь такого плохого, на что следовало обратить его внимание?

Так оно, повидимому, и было.

Существует, видите ли, некоторое легкомыслие, известная необдуманность речи, неправильный льстивый тон, которые не могут быть терпимы в серьезные моменты жизни. Не уловил ли Христос этого оттенка лести в манере юноши, который пришел к Нему за разрешением такого важного вопроса?

Иисус, желающий научить его познать самого себя—начинает с того, что требует от него отчета в словах...

... Что ты называешь меня—„благим"? Взвешивай выражения!.. Если ты почитаешь меня Христом, Сыном Божиим, то Я для тебя не просто—„учитель". Если же Я в глазах твоих только „учитель"—не называй Меня „благим"...

Таков мог быть смысл замечания Иисуса.

А кроме того: льстят человеку—чтобы произвести благоприятное впечатление на него. Тут юноша подошел к Иисусу может быть даже с тайным

восхищением собой: богатый, вероятно высокопоставленный, и вдруг—решает смешаться с толпою, чтобы смиренно попросить совета у бедного странствующего пророка... Какой красивый поступок!.. И такая почтительная форма обращения: „Учитель благий“... Это должно Ему понравиться, а вместе с тем произвести хорошее впечатление и на толпу...

И представляется мне, читатель мой, что у многих из нас в глубине души копошится нечто подобное, когда мы „идем ко Христу“...

„Я—такой интересный человек, многосторонний, образованный... Насколько выше общего уровня!.. И все-таки „вот,—ищу мудрости у Христа, как простые неученые люди... Это, ведь, очень красиво!“

Или: „В сущности это хорошо с моей стороны, что, обладая всякими материальными благами, я к ним не настолько пристрастился, чтобы из-за них забыть Царство Небесное... Духовные вопросы меня все-таки интересуют“...

Или еще: „Я—знатного происхождения, пользуюсь высоким общественным положением и, все-таки, настолько не горд и не тщеславен, что, вместе с малыми мира сего, хочу учиться у кроткого и смиренного Учителя! Пусть другие берут пример“...

Не шевелятся ли у кого-нибудь из нас такие мысли? Может быть—бессознательно даже...

А люди и действительно ведь хвалят тех, которые, будучи учены, знатны или богаты, все-таки—„не забывают Бога“...

Ну, а если мы бедны и несчастны?..

Тогда — новая причина восхвалять: не мудрено, если **обеспеченный** человек имеет время интересоваться духовными вопросами; но вот, когда вся жизнь представляет из себя сплошную борьбу, а человек, несмотря на все эти заботы и соблазны, все-таки отдается Господу, какое это умилительное явление!

И льстят в глаза, хвалят... А нам, может быть, в глубине души это приятно. Нам самим кажется, что мы представляем собою нечто особенное, что мы очень много сделали тем, что отдали себя Богу... Будто бы мы уже действительно так **много** Ему отдали!..

Если бы Христос вернулся теперь на землю, и вот так, как тогда юноша, вы подошли бы к Нему, почтительно и ласково Его приветствуя,—как ответил бы Он вам? А вдруг—и в вас Он увидел бы нечто такое, что вызвало бы строгое замечание с Его стороны?..

Ужасная это черта—неискренность, некоторая фальшь, некоторая „поза“... Как пачкает она самую чистую душу!

Нам надо очень беречься этого. И прежде всего, в отношениях наших к Богу необходимо совершенно отстать не только от „светской“ манеры говорить, но и от всего внешнего и искусственного. Выйдем из той атмосферы обмана и притворства, которою мы все окружены. Порвем без жалости сеть ложных идей, принципов и взглядов, вежливых формул и искусственных приличий, которою мы при сношениях с людьми окутаны так, что перестали это и замечать.

Льстивые речи... скрытые намерения; уступчивость—ради какой бы то ни было выгоды; притворство... Отгоним это все от себя прочь, раз навсегда.

Правда. Простота. Искренность. Вот **с чем** надо подходить ко Христу.

Итак—Иисус Христос сразу же остановил юношу, чтобы заставить его во-первых,—дать себе отчет в своих словах, а затем и понять всю серьезность момента. Продолжая беседу с ним, Он заставит его далее дать себе отчет и в своих поступках.

Юноша спрашивает: что мне делать, чтобы получить жизнь вечную?.. Христос на это говорит: „Знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не обижай; почитай отца и мать“...

Что хотел Он этим сказать? Конечно—не то, что вечную жизнь можно получить, исполняя закон. Нет. Очевидно тут хотел Он рассеять в душе юноши тот туман, из-за которого он не видел чего-то **самого важного.**

Молодой человек отвечает: „все это сохранил я от юности моей“... Я не был ни убийцей, ни прелюбодеем, ни жестоким, ни сластолюбивым... Воспитание получил хорошее. Не слишком нарушал внушенные мне с детства

нравственные правила... Избегаю греха; веду себя прилично... Пользуюсь уважением. Репутация моя чиста.

Вот, вероятно, как смотрел на себя этот человек.

Но тогда—зачем же шел он к Иисусу? Ведь не здоровые, а больные ищут врача... Сын Человеческий пришел не для праведников, а для грешников. „Спасение" есть „освобождение". **От чего** освобождать человека, если он не „опутан" грехом, или, по крайней мере, не сознает этого?

Если бы кому-нибудь из нас ответил этот юноша так, как ответил Иисусу, мы сумели бы ему ясно показать, что многого, многого не достает ему, даже в смысле исполнения вот этих, элементарных, заповедей. Не нарушал он их явно—но нарушил, может быть, **мысленно;** не нарушал буквально—нарушал в духовном смысле. Ведь не настолько же он слеп, чтобы счесть себя вполне безгрешным!

Мы могли бы заставить его как бы пальцем прикоснуться к своим чувствам, чтобы обнаружилась его „духовная болезнь"...

Но Иисус сделал это лучше,—путем гораздо более надежным. Он точно светом залил самые сокровенные глубины этой ослепленной совести.

Как следует нам бояться за себя!.. Отлично мы знаем, что „нет праведного... нет ни одного"... Знаем, что мы **все** согрешили, и совершенно лишены славы Божией... В теории мы с этим согласны, и готовы сказать: „из грешников—я первый". Может быть и не ответили бы мы с вами Христу так, как тот юноша. Но вполне ли мы уверены, что другим путем не впадаем в тот же тонкий самообман, как и он?

Иисус хотел довести юношу до ясного сознания, что, несмотря на его „праведную" жизнь, ему не достает **самого необходимого.**

Ведь праведность человеческая—такая обманчивая вещь!

Сознание собственной праведности есть заблуждение души, которая сама себя удовлетворяет, не считаясь с истинами „вечной жизни"... Человек смотрит **на внешнее**, на то впечатление, которое получается от этой его „праведности",—и оставляет в тени свою **сущность.**

Это лукавое свойство человеческой природы—вечно. Оно было, есть и будет, и только различно проявляется, видоизменяясь сообразно времени и обстановки.

Как всякое устойчивое заблуждение, оно, уничтоженное в одной форме, воскресает в другой. И самое тонкое заблуждение получается тогда, когда человек с чувством самоудовлетворения думает: **как хорошо, что я нисколько не обольщаюсь на свой счет,** а прекрасно вижу свои недостатки, сознавая, что я—первый из грешников...

Очень легко впасть в заблуждение относительно самого себя! Если не делаешь ничего предосудительного, живешь более или менее нравственно и честно, а может быть даже и выдаешься в этом отношении из общего уровня,—тогда невольно замечаешь, что тебя начинают любить, уважать... Начинаешь и сам себя считать лучшим, чем другие... Не „безгрешным", не „совершенным"—на это у нас все-таки хватает совести... Но по крайней мере „хорошим" себя чувствуешь...

А если углубиться в свою душу—что мы там увидим?..

Да. Наружно мы не предаемся излишествам: но сколько чувственности таится в глубине!.. Мы не жадные стяжатели; но—какой у нас страх лишиться того, что имеем! Какая, в общем, эгоистичная, низкая, земная, плотская наша жизнь!..

Не кричим мы, не бранимся грубо и несдержанно, так, чтобы могло быть слышно у соседей. Но—какое у нас неровное настроение духа! „Внутренне кипим" по поводу малейших неприятностей или обид, часто даже воображаемых... Какой деспотический у нас характер!.. Все должны поступать **по нашему**... Как мы нетерпимы! Окружающие должны думать даже так, как думаем мы.

Конечно, „ложных свидетельств" против ближнего мы не приносим, но... с какою легкостью в разговоре касаемся мы дел и характеров окружающих нас, как часто вредим им этим вмешиваясь в то, до чего нам не должно быть никакого дела. Потоки вреда рождаются от пустых разговоров! Потоки греха

исходят из уст наших, а из уст—значит—и из сердца. Нечисто и в этом отношении сердце наше!

Роскоши мы не предаемся—если бедны. Но—сколько в нас бывает зависти иногда, и недоброжелательства к тем, кто живет в достатке!

Гордости, может быть, и нет в сердце, если гордиться нечем, если мы и не знатны, и не занимаем высокого положения в свете... Но есть вещи не лучше гордости—бывает низость, до которой можно опуститься.

И так далее, и так далее.

Среда, в которой живем мы, точно ослепляет нас, и слова Христа на веки остаются верными: „Что́ ты смотришь на сучок в глазу брата твоего, а бревна в своем глазе не чувствуешь?" (Матф. 7, 3). Считаем себя праведными, видя, что другие люди злы, и говорим себе, как „Лаодикийская церковь" в Откровении Иоанна—говорим, может быть, и не словами, а мысленно: „Я богат... ни в чем не имею нужды"...

Все вышесказанное касается „праведности" в смысле **дел** человеческих... Но ведь можно впасть и в другого рода заблуждение... Можно ошибочно считать себя „праведным" в смысле усвоения **учения христианского.**

Разговор Христа с юношей, переведенный на современный язык, представился бы нам, приблизительно, в таком виде: „Учитель! Что мне делать, чтобы получить жизнь вечную?"—„Знаешь основания христианского учения: ничтожество человека, необходимость для него получить спасение; богатство Иисуса Христа; искупление, возрождение через Духа Святого; воскресение из мертвых,—основанное на вере в воскресение Спасителя"...

Это исповедание вполне соответствует тому перечню ветхозаветных заповедей, который Господь привел вопрошавшему Его юноше.

Что ответил бы Христу современный нам „вопрошатель"? Может быть он так же наивно, как тот юноша, сказал бы Ему: „Все это сохранил я от юности моей... Я воспитан в принципах этого святого учения, и всю жизнь их уважал, исповедывал, защищал. У меня нет ничего общего с рационалистами или неверующими...

Поймите хорошенько: Иисус ведь не хотел унизить закон, когда привел ветхозаветные правила, чтобы вызвать у юноши сознание его морального ослепления. Он хотел ему показать, что то **удовлетворение**, которое он ощущал, **воображая, что верен закону**—именно и доказывало, что все его религиозное мировоззрение могло быть моментально опрокинуто. Христос хотел подвергнуть его этому последнему испытанию веры. Он как будто поставил его перед пропастью, которая отделяла его от „вечной жизни".

Так, применяя к нам, можно сказать: пусть мы с детства усвоили основные устои веры нашей—Спаситель, Сын Божий и Сын Человеческий, умерший за наши грехи и воскресший для нашего оправдания; пусть мы против них не возражаем, с ними соглашаемся... Но этого еще далеко недостаточно, чтобы считать себя христианином.

Подумать только: **зная** все о Христе—о любви Его, о деле Его—мы ограничиваемся тем, что повторяем: „да! как это все чудно!".. и—больше ничего?! И считаем себя правоверными, и довольны собой, и спокойны?..

Да углубились ли мы в это все? **прочувствовали** ли?

Вот где кроется наше коренное заблуждение—в **легкомысленном** отношении к познанному и принятому учению. И тут мы не ушли дальше того юноши, который вопрошал Христа.

Разве легче исполнить законы Христовы, чем законы древние?

Конечно—нет.

И всякий из нас,—от еврея, в первый раз подходящего ко Христу, до христианина, с его символом веры,—всякий из нас, который успокаивает душу свою, одобряя себя и говоря: ...„я сохранил, я соблюдал, я исповедал"... должен ожидать, что и ему Христос скажет: „еще одного недостает тебе".

Существует какой-то „пробный камень" для нашей веры, или вернее, что-то такое **основное**, без чего все остальное теряет свое значение.

Но что же это?

Что же сказал Иисус тому молодому человеку? „Еще одного недостает тебе: все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на

небесах; и приходи, и следуй за Мною“ (Лук. 18, 22). Значит ли это, что если я раздам все мое достояние, я могу быть спокойным относительно своей души и в этой жизни, и в вечной? Конечно—нет. Ведь это был бы только новый вид „собственной праведности“, и Христос не мог подразумевать этого. Апостол Павел ясно говорит: „если я раздам все имение мое, а любви не имею—нет мне в том никакой пользы“ (I Кор. 13,3).

Христос просто хотел привести юношу к ясному сознанию того, что „жизнь вечная“ заключается в **отдаче самого себя.** Прочитав в сердце юноши, что привязанность к его „имению“ была той силой, которая притягивала душу его к земным интересам, и мешала ей свободно устремляться к Богу и Божьему, он предлагает ему—одним ударом разрушить эту силу, порвать эти путы.

Другому человеку Он предложил бы другое. Никодиму, например, Он прямо говорит: „Кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия“ (Иоан. 3, 3).

„Кто не родится свыше“... Вот то великое слово, та великая истина, которая часто остается людьми незамеченной, неузнанной.

„Жизнь вечная“—это „жизнь **новая**“, отличная от прежней, как небо отлично от земли. Войти в „жизнь вечную“—это значит: открыть глаза и на горизонте времени увидеть приближающуюся вечность; открыть сердце и видеть, как на смену привязанностей временных идут привязанности вечные; открыть свою душу—и видеть, как в ней интересы временные сменяются интересами духовными... Это значит—распахнуть крылья своей воли и, поднявшись выше эгоизма, выше всяких ничтожных греховных препятствий, начать свободно, радостно действовать, исполняя волю Божию.

Живет или не живет дитя, находящееся в утробе матери? Живет, конечно. Но оно приготовляется в это время к новой жизни—ему предстоит родиться, явиться на свет Божий, отделиться от матери. Тогда и глаза его откроются, и члены будут развиваться, и ум проснется.

Земля—мать наша. В ней, во временных интересах и привязанностях, живем мы,—но готовимся к иной жизни,—к жизни вечной. Нам тоже надо „родиться“—чтобы вступить в эту новую жизнь.—„**Родиться свыше**“, „**Родиться от Духа**“. К этой жизни мы и призваны. Мы тоже рождаемся на „свет Божий“—но уже не на материальный свет, как младенец, выходящий из утробы матери—а на свет духовный, исходящий от Солнца Правды—Христа Иисуса. И растем и развиваемся духовно под влиянием этого Света.

Вот **новое** рождение, о котором говорил Христос.

Вот то, чего, может быть, нам „недостает“.

Женщина, которая разбила свой алавастровый сосуд с драгоценным миром у ног Иисуса—вступила в эту „вечную жизнь“. Душу ее наполнили чувства любви и благодарности. Она вся была—порыв в высоту, прочь от земли, и грехов, и всякой нечистоты. Она **все свое прежнее отдала**,—все свои земные пристрастия,—под видом мира драгоценного, сложила их к ногам Христа. Она вступила в новую жизнь, „родилась свыше“.

Еще пример: Закхей. Момент, когда Христос посетил его дом, был поворотным пунктом в жизни его, моментом рождения в жизнь вечную. Он тоже, полный того нового света, который осиял его,—стал „новой тварью“. Все прежнее потеряло для него цену. И, в порыве раскаяния за прошлое, он хочет вчетверо вознаградить всякого, кого обидел.

Вошли „в жизнь вечную“ и ученики, которые самоотверженно оставили все свои земные интересы, чтобы следовать за Христом в Его жизни, полной трудностей и лишений: „Господи! к кому нам итти? Ты имеешь **глаголы вечной жизни**, и мы уверовали и познали, что Ты—Христос, Сын Бога живого (Иоан. 6, 68—69).

Познали „жизнь вечную“ и те группы христиан в Иерусалиме, у которых было „одно сердце и одна душа“, которые продавали имения свои и отдавали деньги апостолам, чтобы те распределяли неимущим. И была жизнь всех их настолько отличной от прежней, так чиста, и так свята,—что поражались ею окружающие. Она была лучшим свидетельством их веры. Народ был удивлен, растроган, просвещен,—настолько, что Господь ежедневно прилагал спасаемых к Церкви“ (Деян. 2, 47).

Но—быть может скажете вы—ведь это же все энтузиазм *), и больше ничего!.. Да. Энтузиазм. Христос и пришел для того, чтобы создать **именно этот** энтузиазм. Он пришел, чтобы научить людей любить Бога всем сердцем, и ближнего, как самого себя... Конечно, это энтузиазм! Ведь под этим словом разумеем мы ту страсть, которая влечет нас ко всему, что прекрасно, что велико, что благородно, ко всему, что отрывает нас от нас самих, и поднимает выше „земного“.

Да. Ощущение „жизни вечной“ есть энтузиазм. И поэтому Христос нарочно употребил странные, гиперболические **) выражения, когда говорит о тех путях, которыми душа может достигнуть „жизни вечной“. Кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником“ (Лук. 14, 33)... „Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником“ (там же ст. 26). Все эти выражения, такие резкие, и многие, подобные им—что́ означают?

Они означают то, что „жизнь вечная“ есть **отдача сердца, жертва самих себя**. Это—порыв души, которая больше уже себе не принадлежит, которая вполне отдалась на служение Иисусу Христу.

В чем заключается это служение? В преданности, усердии, любви, в проповеди евангелия,—таково было служение ап. Павла. В посещении бедных и страдающих, во всяческой помощи, всякой любви, оказываемой людям,—таково было служение первых христиан, живших „в чистом и непорочном благочестии“.

Итак, что же? Жизнь вечная, значит, может быть достигнута делами благочестия? Вот всем тем, что перечислено выше?

Не „достигнуть“ жизни вечной можно служением, **а служение это и есть уже сама жизнь вечная.** Какая она будет для нас „в небе“—я не знаю, но на земле она или совсем не существует, или существует **в виде любви, самоотречения, жертвы непрерывной деятельности для славы Божией и для спасения человечества.**

Нельзя понимать так, что „вечная жизнь“ есть то спокойствие, которое душа ощущает после исполнения какого-либо долга, или во время какого-нибудь хорошего дела или решения. Так думать—значило бы ниспровергнуть все Евангелие.

Но как же, в таком случае,—христианское учение?.. Какое же **оно** место занимает, если „делами“, внушенными и предписываемыми им, нельзя приобрести жизнь вечную?

Христианское учение есть **совокупность фактов**, предназначенных благим и премудрым Богом **для того, чтобы зажечь в душах людских это пламя энтузиазма и самопожертвования, которое называется „жизнью вечной“**. Какая в этом невыразимая красота!

Какая глубокая мудрость в том, чтобы **сосредоточить все привязанности людей**—которых сначала надо было оторвать от земли,—на **Одном**:—на такой Личности, какою является Христос!.. Его смерть на кресте есть идеальный пример самопожертвования, такого, которого все наши самопожертвования суть только слабые отблески... Какая глубина смысла вложена в слова ап. Павла: „представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу“ (Римл. 12, 1). или: „вы—не свои, ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших, и в душах ваших, которые суть Божии“ (I Кор. 6, 19—20).

Как это дивно, что Тот Самый, Который „сошел с небес, чтобы нас взыскать и спасти“—являет Собою совершенный образец,—как выражается Писание—„Начальника и Совершителя“,—**той жизни**, к которой мы призваны!

Какая мудрость в этом плане—организовать, если можно так выразиться—**вечную жизнь на земле** в форме царства, которое управляется Существом любимым, благословенным каждым гражданином этого царства в отдельности!.. И каждый из них, подражая Христу и поклоняясь Ему, **не только получает**

*) Энтузиазм—воодушевление, подъем духа.
**) Гипербола—преувеличение, выходящее из пределов возможного и вероятного.

от Него жизнь вечную, но еще и представляет из себя члена живой организации, члена, который должен сам быть живым, деятельным, чья помощь необходима для общего дела. Он имеет „жизнь вечную", и она непрерывно развивается в нем, действует в нем, беспрерывно получая силу и „восполнение" от Христа.

„Верующий в Сына имеет жизнь вечную" (Иоан. 3, 36).

Верующий. И Христос **дает** ему жизнь вечную. То есть— Он ее **внушает**, **сообщает силу Свою человеку, свойства Свои, чувства Свои**. Какие же?

Полную преданность воле Божией—это во-первых; затем—безграничную любовь к человечеству, дух самопожертвования; наконец—этот божественный энтузиазм, который, как огонь, освещает земную жизнь и преображает ее „в Его образ".

Вот, что дал Христос Своим ученикам. Вот что дал Он Своей Церкви.

Вот, наконец, чем и было христианство всегда, когда оно осуществлялось в мире. Прежде, чем кончить, задаю себе вопрос: к чему же мы пришли? Замечается ли проявление жизни вечной в нашей среде?

Надо правду сказать: многие из нас—из вас, читающих эти строки, из верующих во Христа,—серьезно интересуются вопросами духовного порядка, отводят им большое место в своей жизни. Многие живут честно, поступают правильно, читают хорошие книги. Многие любят слушать Слово Божие, и думать и рассуждать о нем. Любят собираться для общей молитвы...

Сколько, сколько есть людей серьезных, интеллигентных, добрых и притом—верующих!

Да, слава Богу, они есть.

Но представим себе на минуту, что вот такой хороший человек подошел к Спасителю с вопросом: „Учитель благий, что мне делать, чтобы иметь жизнь вечную?"... Что ответил бы ему Иисус?

Может быть, ответил бы так же, как и тогда: „Еще одного недостает тебе"...

Какие же у нас недочеты? Чего нам „недостает"?

Вдумаемся, всмотримся хорошенько.

Кто из нас „обратился" так, что это **изменило**, перевернуло всю его жизнь?

Кто истинно **отдал** себя Богу, посвятил Ему всю жизнь свою, без расчета, без сожаления, без задней мысли?

Где у нас **святые порывы**, увлечение, дух самопожертвования, мужество, чтобы непоколебимо пребывать во Христе? где у нас вера, торжествующая над всеми колебаниями?

Мы должны бы гореть ярким пламенем христианского милосердия... А вместо этого,—оно только тлеет в нас, как слабая искра под пеплом.

Святой энтузиазм—как мало мы его видим! Все больше — спокойное, честное христианство, такое „удобное" и—такое поверхностное!

„Еще одного недостает тебе: все, что имеешь, продай, и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мною. Услышав слово это, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение" (Матф. 19, 22; Лук. 18, 22).

Он, очевидно, бы поражен, когда Христос так внезапно поставил вопрос ребром. Так вот каким только образом можно получить „жизнь вечную?" Как это печально! И он отошел от Иисуса...

Очень ясно представляешь себе всю эту картину...

Он „отошел"...

Но ведь Христос **видел** душу эту. И Он „полюбил" ее. Конечно,—Он знал, как, чем лучше подействовать на юношу, и не мог Он желать оттолкнуть его от Себя. Напротив,—вероятно юноше как раз и нужно было испытать это потрясение, чтобы он отдал себе ясный отчет—**чего он хочет** и **как ему получить** желаемое.

Может быть, когда он лучше узнает Иисуса Христа, или когда будет слушать проповедь апостолов о Нем—распятом,—тогда осознает он все, и „обратится", и получит „жизнь вечную"...

Может быть! Мы не знаем...

Но вот эта „печаль“ его—как она давит и нас! Чувствуете ли вы ее?

Чувствуете ли, как угнетает она душу?.. Меня—первого. Эта печаль в глубине всего, всего, что радует, что будто бы удовлетворяет...

Так и слышится в глубине совести: „еще одного не достает тебе!.. Одного не достает“!..

Это Он—Господь наш—говорит в нас! Это—Его слова, спокойные и авторитетные.

О, братья мои! Ведь от каждого из нас Он хочет, чтобы мы отдали Ему сердце свое... Эти слова из уст Его—„одного недостает тебе“... слышите ли вы их?..

И если мы сейчас „с печалью“ отойдем от Него,—пусть печаль эта будет печалью „ради Бога“, такая, в которой никогда не раскаиваются, и о которой Господь сказал, что Он обратит ее в радость, радость неизреченную!

СОВЕТ.

Если тьма иногда подавляет тебя,
Ранит сердце твое молодое,—
Принеси Иисусу в молитве себя,
И Он даст подкрепленье благое!

Если розы любви в жизни вянут порой
И узоры их пыль покрывает,
Нарушается ритм песни лиры живой,—
Пусть к Христу твое сердце взывает!

Если хор помышлений о горнем молчит
Или часто в тебе засыпает,
Светоч веры твоей очень тускло горит,—
Пусть к Христу твое сердце взывает!

Если плоти мечты власть берут над тобой,
В душу чувство греха проникает
И туманит твой взор лучезарный собой,—
Пусть к Христу твое сердце взывает!

Если дух твой теряет зеркальность небес
И тоскою страдать начинает,
Твоя воля пойдет с волей Божьей в разрез,—
Пусть к Христу твое сердце взывает!

Снова в прежней красе ты увидишь в себе
Все, что было запятнано миром,
И отрадно, легко станет, брат мой, тебе
В мире диком, пустынном и сиром!

Н. Ц.

ПОД СЕНЬЮ СТОЛПА ОГНЕННОГО.

Я. Крекер.

«Не отлучался столп огненный от лица народа». — *Исх. 13, 22.*

Давно уже скрыт от взора нашего столп огненный, который освещал путь Израильтян в пустыне, но не скрылся от нас Тот, присутствие Которого возвещало сияние огненного столпа. Он пребывает с нами и поныне, ибо «не отлучался столп от лица народа». Поэтому, хотя очи наши не в состоянии лицезреть огненного столпа, но верою мы осуществляем присутствие Господа. Поток благословения и благодати, столь щедро изливавшийся присутствием Господа Бога на избранный народ Его в былое время, и в наши дни продолжает быть ключом для верующих чад Божиих; он так же чист и свят, как тогда. Посему слова из книги Моисея: «не отлучался столп огненный от лица народа», звучат с той же искренностью и для избранников Божиих во все времена.

Вникнем в смысл слов Писания, повествующих о значении огненного и облачного столпов, руководивших Израилем в пустыне, и мы увидим в них, чем может быть для нас присутствие Господа Бога в нашей жизни. Ведь в свое время для народа Израилева оно было единственным оплотом и обеспечением его существования в жизни. Бог пребывал с народом Израилевым, а потому жил и народ Его. Народ этот уцелел в лице остатка верующих его, несмотря на то, что в пустыне погибли из-за неверия сотни тысяч Израильтян. Это дало впоследствии псалмопевцу право воскликнуть: «Бог одиноких вводит в дом, освобождает узников от оков, а непокорные остаются в знойной пустыне» (Пс. 67, 7).

Присутствие Господа Бога в нашей жизни является и для нас единственным условием существования нашего. Судьба и жизнь Церкви Божией также зависит исключительно от присутствия в ней ее Главы; она связана с ней неразрывно. Кто принимает Сына Божия, и у кого Он, поэтому, может пребывать, в том развивается и растет жизнь, тот обладает руководительством и охраной от Господа Бога. Но там, откуда Бог вынужден удалиться, там воцаряется оскудение и оцепенение.

Под сенью столпа огненного на народ Израильский прежде всего распространялась **благодать руководительства Всевышнего.**

Господь шел перед ним днем в столпе облачном, показывая ему путь, а ночью в столпе огненном, светя ему, дабы итти ему и днем и ночью (Исх. 13, 21). Без этой благодати руководительства Всевышнего вряд ли бы народ Израилев достиг обетованной земли и вошел в страну покоя. Только тот, кого руководит и ведет присутствие Господа Бога, в состоянии найти направление небесного бытия. И мы были бы бессильны достигнуть цели, к которой стремится наша душа, т.-е. занять обетованный наш «удел», если бы Господь наш не был спутником нашим на жизненном пути. Если бы мы были предоставлены самим себе, мы очутились бы в положении овец стада, покинутого пастухом в пустыне. Если бы, сопутствуя нам в жизни, Господь не был светом ее, мы никогда не были бы в состоянии разобраться во всех трудных вопросах жизни. Она слишком пестра, она посылает нам слишком много испытаний веры и затруднений, она нам ставит слишком много неразрешенных вопросов и задач, и от нас властно требует все новых решений.

Руководительство Божие возможно нам осуществить лишь тогда, когда мы отрекаемся от самих себя и отдаемся в руки Божии, в полную от Него зависимость. Если бы Израильтяне осуществили первоначальное свое намерение—итти в Ханаан кратчайшей дорогой по большому, общему, пути вдоль побережья Средиземного моря, они бы никогда не испытали благодати Божьего руководительства. Хотя эта дорога была самой близкой, но она не была тем путем, который избрал для народа Своего Господь Бог. Как только Израилю стало ясным это решение Божие, народ бросил первоначально намеченный путь и, доверяя руководительству Господа, пошел за Ним,—в пустыню!

Мы видим таким образом, что лишь вера, готовая отказаться от собственной воли, готовая предоставить Богу действовать за нас, удостоивается благодати стать под непосредственное руководительство Всевышнего. Вот почему народ Израильский, доверившись руководству Господа, вскоре на опыте убедился в

благодатной силе защиты и охраны Божией.

Ибо как раз тогда, когда Израильтяне, следуя указанию свыше, свернули с большой, общей дороги, и направились к Чермному морю, фараон возомнил, что для него настал час вновь покорить освобожденный от ига его народ. Он приказал заложить военные колесницы, вызвал своих всадников, и, погнавшись за Израильтянами, застал их на берегу моря. Таким образом, Господь, руководя лично народом Своим, сразу ввел его в борьбу и затруднения, вместо того, чтобы удалить от них эти испытания. Под руководительством Всевышнего мы учимся не чуждаться и не бояться испытаний и затруднений на жизненном пути; мы привыкаем не обходить, а, напротив, превозмогать их. Имея вождем своим в жизни Господа Бога, верующий наяву и осязательно убеждается в том, что «верен» Всевышний, и что изобилие Его покрывает нашу нищету.

Безвыходное положение, в котором тогда очутился народ Божий на берегу Чермного моря, дало ему возможность убедиться в том, до какого дивного совершенства Господь в состоянии защитить и охранить избранное чадо Свое, народ Израильский. «И двинулся Ангел Божий, шедший пред станом Израильтян, и пошел позади их; двинулся и столп облачный и стал позади их; и вошел в середину между станом Египетским и между станом Израильтян, и был облаком и мраком (для одних) и освещал ночь (для других)». — Исх. 14, 19 - 20.

Какую чудную картину представляет собою описанное событие! С одной стороны беспомощный народ Израильский, с другой—полное угрозы войско фараона, а посреди—огненный столп Божий! Нам, верующим, она дает твердую уверенность в том, что Бог, присутствием Своим, желает быть для нас как бы стеной и броней, защищающей нас от врага. Тогда мы можем столкнуться с врагом, только обойдя Бога, но и враг может напасть на нас, только устранив защиту нашу,—Господа. Мыслимо ли, чтобы в такой стене мог произойти пролом?! Может ли быть более верный залог того, что мы будем сохранены от всякого натиска врага? Какая нам открывается дивная возможность вполне довериться Ему! *Милосердие Божие, которое смогло освободить нас от Египетского ига, сможет и охранить и спасти нас от преследования и нападения Египетских полчищ!*

О другой еще благодати, вытекающей из присутствия Господа в нашей жизни, повествует нам глава 40-я той же книги Исхода:

«И покрыло облако скинию собрания, и слава Господня наполнила скинию. И не мог Моисей войти в скинию собрания, потому что осеняло ее

облако, и слава Господня наполняла скинию». — Когда Свящ. Писание упоминает о «славе Господа Бога», то оно под выражением «Кебод», на еврейском языке, или же «Докса», на греческом языке Нового Завета, подразумевает не столько понятие внешнего явления, доступного нашему зрению, как, напр., «сияние» Господа Бога, сколько всеобъемлющее представление проявления Его бытия, величие Его существа, всю полноту Его Божественной Личности в особых чертах Его явления. Эта «Слава Господа Бога» так преисполнила только-что сооруженную скинию собрания, что даже Моисей не мог оставаться в ней. Даже он должен был покинуть ее.

Мне эти слова особенно драгоценны. Я спрашиваю себя: где наша «скиния», в которой Господь Бог может являться и нам во славе Своей, во всей полноте Своего Божественного бытия? Ап. Павел на этот вопрос дает ответ: «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа?» (1 Кор. 6, 19). Подумайте: этому храму нашей жизни суждено быть преисполненным славою Господа Бога, быть насыщенным всей полнотой Божественности и ее всемогущества.

Где совершается это чудо, там пребывает со всей непосредственностью единение наше с Господом Богом, Отцом и Сыном, Которые вошли к нам, чтобы пребывать в нас. От этого единения, от этой полноты жизненной силы, наша вера черпает беспрерывно благодать на благодать. Не хватает слов, чтобы высказать, какое значение имеет для нашей духовной жизни осуществление положения: в нас пребывает Христос, в нас живет надежда славы Его.

Даже Моисей вынужден был удалиться из скинии, когда слава Господа Бога преисполнила ее. Моисей здесь является символом закона по Ветхому Завету. По мере того, как полнота Божественной силы проникает в нас и овладевает нашей личностью, в той же степени не остается более места для ветхого закона. Его заменяет в нас высшее начало: закон Духа Святого, завет жизни во Христе Иисусе. Мы перестаем поэтому находиться под гнетом закона, и наступает состояние руководимых Духом Божиим. Мы должны еще упомянуть в нашей беседе

о суде Божием,

как об особой благодати, вытекающей также из присутствия Господа в нашей жизни. Ярким примером ее служит приведенный в книге Чисел рассказ о споре Мариами и Аарона с Моисеем из-за жены его, Ефиоплянки. Они считали себя в праве порицать его и указывали на то, что «одному ли Моисею говорил Господь? Не говорил ли Он и нам?» Но Писание говорит: «услышал сие Господь». Он вызвал их к скинии, и там указал им на праведность Моисея: «Он верен во всем дому Моему. Устами к устам говорю Я с ним, и явно... образ Господа он видит» (Числ. 12, 7—8).

Эти отношения Моисея к Господу должны были быть известны Мариами и Аарону.

Им следовало из этого уразуметь, каково было значение Моисея в глазах Господа Бога, и не считать себя в праве порицать брата и спорить с ним. Но они оценивали его не с точки зрения его значения в очах Божиих, не по его непоколебимой верности и добросовестности в служении Богу: они судили о брате только по одному событию в его жизни, смысл которого они не понимали, и так как Мариамь, от которой видимо исходил спор, не хотела подчиниться воле Господа, даже и тогда, когда Он Сам разъяснил ей особый смысл Его отношений к Моисею, тогда «воспламенился гнев Господа на них, и Он отошел. И облако отошло от скинии, и вот, Мариамь покрылась проказою, как снегом» (Числ. 12, 9—10).

Нам, конечно, смысл этого рассказа ясен и без толкования его. Ведь он нам говорит: дорогие братья во Христе! не будем спорить с братом на дороге! Если у него мы подметили нечто нам непонятное, не станем судить о нем только по одной неясной нам черте его личности, но будем ценить его по всей совокупности его общения с Господом Богом. Единственно только это соображение должно иметь решающее значение в наших суждениях о каждом брате во Христе! А если кто-либо возомнит, что имеет право спорить с нами, упрекато нас в чем-либо, то да не откроем уст наших для ответа ему, зная, что Бог, как и тогда, во времена Моисея, все слышит и знает. Непременно наступит час, если мы только искренне останемся верными Господу Богу. когда Он Сам заговорит за нас, как тогда в пустыне Он отстоял избранного пророка Своего, Моисея.

Но тому, чье сердце ожесточается по отношению к брату, кто не желает прекращать спора с ближним на дороге, тому следует помнить, что там, где пребывает Бог, там творится и суд Его. И если наше упорство вынуждает Господа Бога покинуть нас, то тогда обнаруживается проказа души нашей! Поэтому мы так часто в Церкви Божией встречаем бывших ревнителей закона, превратившихся в рабов греха.

К сказанному позвольте мне привести еще отрывок из Свящ. Писания, обращающий наше внимание на другую благодать, вытекающую из присутствия в нашей жизни Господа Бога. В книге Второзакония стоит в 31 главе, в ст. 14 15: «И пришел Моисей и Иисус, и стали у скинии собрания. И явился Господь в скинии в столпе облачном». Тут Господь вещает Моисею о будущих судьбах народа Израилева. В этом событии мы видим, что в присутствии Господа Бога кроется —

благодать откровения Его.

Бог посвящает, по милосердию Своему, Моисея в сокровенные тайны Своих предначертаний.

Как велико значение для нас этой истины! Как важно научиться судить о будущем и о судьбах мира с точки зрения Божественной мудрости! Нам в свете Божием открывается этим новый кругозор, причем мы постигаем Его предначертания и научаемся уяснять себе сокрытый смысл Его намерений.

Кто привык в присутствии Господа внимать Его премудрости, того не будут смущать великие события и мировые потрясения; тот никогда не заблудится среди борющихся течений и смут наших дней; он не упустит из вида следа от стоп Спасителя, и события предстоящих дней не застанут его врасплох.

Присутствие Господа Бога есть та школа, которая нас подготовляет и из которой Господь берет себе священнослужителей, научившихся постоянно взывать к Нему о спасении тех, кто, как Лот во времена Авраама, ходит беспечно в мире, не подозревая, что навис над ним гнев Божий.

Кто привык получать свет свой от Господа Бога, тот будет чутким в распознавании знамений времени и, как пророк Илия, будет знать, когда должен наступить «конец засухи» и когда можно будет послать отрока удостовериться в том, не поднимается ли издали облако, несущее, наконец, «влагу» и начало благодати Божией.

Огненный столп не отлучался от лица народа; он и ныне не отлучается от нас, а обильно благословляет тех, которые ходят во свете и научились следовать на жизненном пути за Господом Богом.

ОЖИДАНИЕ.

Матф. 25, 9.

От огоньков по сторонам—
Лучистые струи...
Проверить к ночи надо нам
„Светильники“ свои.
О вы, чьей веры меркнет свет,
Внемлите сим словам,
И,—если „масла“ в лампах нет,—
Спешите к продавцам!
Один у Жениха завет:
Чтоб „были светом“ мы.
И если наш не льется свет,—
То ктò же—чада тьмы?..
Он—Свет от Света. Мы—лучи...
Ведь это ясно так!..
Зажжем, зажжем огни в ночи,
И озарим весь мрак!
Мы—город на горе вверху.
Сокроется ли он?
Не призовем ли к Жениху
Других, со всех сторон?—
Итак, проверим фитили
И масло,—все ли там?
А если не приобрели,—
Спешите к продавцам!..

И. Я.

ТОЧНОСТЬ.

Во второй год по выходе израильтян из Египта, по повелению Господа, из пустыни Фаран народом были посланы 12 главных мужей для осмотра Ханаанской земли, куда направлялся израильский народ.

Через 40 дней посланные возвратились, показали народу произведения посещенной земли, рассказали о богатстве ее природы; а о жителях Ханаана поведали, что они сильны и живут в укрепленных городах.

Халев и Иисус Навин, бывшие в числе посланных, успокаивали народ, указывая на милости Божии, на Его всемогущество и силу, а ходившие с ними распускали худую молву, говоря: „Земля, которую проходили мы для осмотра, есть земля, поядающая живущих на ней, и весь народ, который видели мы среди ее, люди великорослые“.

Трусость десяти мужей, и неверные сведения о Ханаане, переданные ими, вызвали ропот народа, противление Моисею и Аарону. Народ был восстановлен против верных служителей Божиих — Халева и Иисуса Навина, и только Божье вмешательство удержало израильтян от братоубийства.

За неверие, непослушание, ропот, народ был осужден к 40-летнему кочеванию в пустыне; лишь их дети, да Халев с Иисусом Навином вошли в обетованную землю.

В пятый год пребывания в Ханаанской земле Халев возбудил в памяти Иисуса Навина воспоминание о первом их посещении земли обетования, о всех последовавших за этим событиях и указал, что к получению ими в удел Ханаанской земли их привело точное следование Господу Богу.—Числ. 13 и 14 гл.; Иис. Нав. 14 гл.

Каждый искренно уверовавший в Господа, обновивший свою жизнь в спасительной Крови Христа, освободившийся силою Божией из рабства духовного „Египта“ и направивший свои стопы к небесному „Ханаану“, должен быть точным в следовании за Господом.

Если точность важна в обыденной жизни, то тем более в духовной жизни она должна приправлять всякое стремление, всякое дело.

Христос после Своего воскресения повелел ученикам: „Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам“.—Матф. 28, 19—20.

Повеления Христа нам нужно выполнять **все**; недоговоренностей, исключений, недоделывания—у последовавшего за Христом не может быть.

О Ное читаем: „и сделал Ной все; как повелел ему Бог, так он и сделал“.—Быт. 6, 22.

Дорогой читатель, **всю** ли волю Божию выполнил ты с точностью? или еще много тобою не сделано? Пусть пример Ноя, Халева и Иисуса Навина побудит тебя к **точному** следованию за Господом.

Как дела должны заключать в себе точность, так и все слова должны носить следы точности.

Всякое преувеличение, искажение, переделка сведений, чужих слов—греховно, отдает неправдой.

Как снежный ком от перекатывания по снегу вырастает в большую глыбу, так нередко и некоторые факты в устах досужих любителей посплетничать принимают угрожающие размеры, и служат причиной многих недоразумений между людьми.

Братья и сестры! Следите за своею речью. Избегайте прикрас. Помните первую ошибку праматери Евы, неточно передавшей искусителю слова Божии, прибавив повеление не прикасаться к дереву, растущему посреди рая (Быт. 2, 17; 3, 3); помните тяжелые последствия неточности десяти мужей, осматривавших Ханаанскую землю,—и научитесь точно, как Халев и Иисус Навин, передавать что видели и слышали.

Точность верующих может заключаться в точном исполнении обещаний.

Многими „дано обещание Богу доброй совести“ (I Петр. 3, 21), служить искупившему; но—всеми ли это обещание исполняется?

Точен ли ты, читатель, в отдаче всего себя Господу, или служишь Ему только частью своего существа, только языком.

Точен ли ты в общении с искупленными, в посещении собраний, или это время заполняешь своими будничными заботами?

Точен ли ты в свидетельстве о силе Крови Иисуса, или темою твоих разговоров, бесед являются человеческие цели?

Точен ли ты в служении Богу своею жизнью, или каждый день ты делаешь новые отступления от данного обещания, уклоняясь от „узкого“ пути?

Ответь на это своему сознанию и Тому, Который слышал твое обещание?

Важно быть точным и в материальном служении делу Божию.

Не будем касаться вопроса о необходимости материального служения, потому что каждая обращенная от мертвых дел душа это прекрасно сознает, но важно помнить, что одной из причин, препятствующей распространению евангельского благовестия, является неточность в служении материальными средствами.

Всякий, удерживающий руку от участия в Божьем строительстве, пусть знает, что его ожидает обвинение в неточности служения, ибо кто не собирает, тот расточает.

Будем точными собирателями, как израильтяне во дни Езекии, которые „принесли туда (в дом Господень) приношения, и десятины, и пожертвования со всею точностью“.—2 Пар. 31, 12.

Братья, сестры, друзья-читатели, **будем во всяком деле и слове точными**, чтобы каждый мог сказать, как Халев: „Я в точности следовал Господу Богу моему“.

В этом да поможет нам Бог!

В. Сиверин.

СТРАДАНИЯ ИСКУПЛЕННЫХ и СКРЫТАЯ ИХ СЛАВА.

„Высшее благо и величайшее преимущество, какого только может достигнуть душа в этом смертном теле, это — вступить в общение страданий Сына Божия“. — Бернье.

I Кор. 4, 8—16.

Вышеприведенное библейское место производило на его толкователей самое различное впечатление.

Если одних оно явно оттолкнуло, так как оно носит печать «неоспоримых следов личной обиды», то на других действовало с могущественно-притягательною силою.

Вначале трудно узнать глубоко-захватывающее внутреннее побуждение писателя—Апостола. В основу всего изложения его опыта положено описание личных страданий.

Павел говорит об этом таким языком, который по форме и содержанию является совершенно своеобразным и потрясающим языком.

Узнаем сначала, где кроется **источник** этих страданий, а потом также **цель** и **род** их. Тогда для нас выяснится **различие** между христианством Павла и христианством Коринфян, и мы будем в состоянии внимательно отнестись к **причинам** этого различия.

Где сокрыт источник страданий Апостола?—Павел делил жребий Того, Кто его призвал и послал благовествовать; жребий Того, Кто пришел с неба и положен был в прах смерти; жребий Того, Кто мог воскликнуть: «Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе» (Пс. 21,7); о Котором пророческое слово говорит, как о Презренном и Умаленном пред людьми, Муже скорбей, изведавшем болезни» (Исаия 53, 3).

В Новом Завете мы видим Того, Кто послал Павла, — Сына Божия, усовершенного чрез страдания и ныне увенчанного честью и славою (Евр.2, 9-10).

В **Его** общение вступил ап. Павел, **Ему** посвятил он всю свою жизнь, без оговорок. Когда Павел исполнился Святого Духа, слово Господне сказало о нем: «И я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое» (Деян. 9, 16). Это слово мы вправе назвать **посвящением** ап. Павла **на служение** Господу.

После того, как Павел увидел славу увенчанного Христа, это слово не могло уже его испугать.

Апостол не был непослушен небесному видению. Он заглушил в себе все голоса плоти и крови, — жребий его был брошен. Теперь уже ни в небе, ни в преисподней не могло быть сомнения, что в этот день действительно **все** сердце, **вся** воля одного бедного, самого по себе ничтожного человека, были завоеваны прославленным Христом, что в руке Господа оказалось избранное орудие, вполне пригодное Ему для целей служения.

Апостол обрел во Христе праведность, имеющую цену пред Богом; как и Коринфяне, он нашел Христа, Который обогащает нас дарами и просвещает познанием; но Павел нашел более того, гораздо большее — он нашел в Нем Царя, могущественного Покровителя, Который все способности, стремления и силы богатой личности Павла завоевал и присвоил Себе. Образ Распятого и Умирающего Христа прежде всего нашел в нем свое полное отображение.

Жребий креста и смерти Учителя проник в Апостола, увлек его душу и повторился в нем. Сила смерти Христовой воздействовала в нем до крайних

пределов его личности. Таким образом Павел сделался сораспятым Христу, вместе с Ним истекающим кровью, преданным смерти, в Нем воскресшим и живущим новой жизнью во Христе. (Римл. 6, 11). В силу этого общения с Иисусом распятым Апостол всегда «носил мертвость Господа Иисуса в теле своем», чтобы и жизнь Иисуса открылась в смертном теле (2 Кор. 4, 10).

То, что Павел учил о крещении в смерть, было у него непрекращавшейся действительностью во всю его жизнь. (2 Кор. 4, 12). В силу тесного и глубокого общения с Иисусом, через всю жизнь над головою Павла постоянно устремлялся поток страданий. Какого бы рода эти скорби ни были, никогда и нигде они не могли быть чем-то случайным, как бы внешним придатком к его образу действий, — это был последовательный и естественный плод его общения со Христом, выросший на почве внутреннего тесного общения с ним. Апостол переносил по его словам, «страдания Христовы» (2 Кор. I, 5).

Здесь заключается первое, бросающееся в глаза **различие** между христианством Павла и христианством Коринфян. И они тоже познали крест, как спасающую силу; общине была сообщена полнота даров, богатство учения и познания. Но все-таки в облике Христа были очень важные черты, которые стались Коринфянам совсем чуждыми, были «пути во Христе Иисусе» (I Кор. 4, 17), на которые они никогда не вступали.

Во всем деле Христа существенным и решающим элементом является крест. И там, где крест может проявить свою полную силу, там он разрывает сердце и смиряет дух; крест предает плоть смерти и создает глубокую любовь к смирению и влечение ко всему нищему духом и униженному. Крест вскрывает наше личное бессилие и погружает душу в голод и жажду по Иисусе.

Все это лежало **вне** поля зрения Коринфян. У них уже не было нищеты духа, не было слабости и трепета, не было воплей к Богу и жажды праведности, не было болей и мук духовного рождения. Основание плоти было твердо и стояло непоколебимо. А посреди богатства даров и дивных проповедей процветали дела плоти — партийная вражда, беспорядки и невоздержанность всякого рода. При этом был утрачен трезвый взгляд на истинное положение вещей, способность, самоосуждения. У Коринфян как-будто началось обещанное царствование святых; пресыщенные, богатые и во славе, они стояли там и с некоторым пренебрежением глядели на страдающий облик Павла.

Какой контраст открывается здесь нашему взору! Апостол обрисовал его в резких очертаниях, расцветил его красками острой иронии. Как два полюса, противостоят друг другу эти два рода христианства. Может-быть, нет другого места во всем Свящ. Писании, которое бы показало более ясно, чем показано здесь, какие огромные различия и даже противоположности возможны при таком сопоставлении!

Однако, ведь Коринфяне стоят не вне, а **енутри** христианства; между ними и Апостолом существуют общие отношения ко Христу. Павел не оставляет Коринфян, но вступает с ними в борьбу, чтобы привести их к покаянию, к «печали по Боге». Для этой цели он не нашел бы лучшего способа как показать им со всею очевидностью свое собственное житейское поприще и поприще своих сотрудников в лишениях страданиях и борьбе.

Как же обстоит дело с нашим личным участием в кресте Иисуса?

Как у Павла или Коринфян жизнь управлялась и переобразовывалась соответственно их отношению ко кресту, по мере участия их в нем, так управляется и наша. Этот вопрос вдвойне необходим и обоснован в наши дни, когда особенно твердо устанавливается направление, враждебное кресту.

Евангелие Христово гласит: «Кто хочет итти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною». «Любящий душу свою погубит ее, а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную» (Матф. 16, 24; Иоан 12, 25).

В наши дни найдена формула другого евангелия: «Возлюби свою жизнь; безудержная любовь к жизни приводит к наслаждению жизнью». Целые классы народа приведены этим «евангелием» в состояние опъянения. Теплая, расслабляющая атмосфера проникает повсюду, даже в круги верующих христиан. Суровые времена, которые требовали от свидетеля Христова внешнего исповедания, вплоть до отдачи имущества и крови, — эти времена принадлежат прошлому.

Можно сказать, что теперь среди христиан каждый поступает с крестом так, как ему приглянется, — облюбует его или нет. Мы близки к опасности **обходить крест**; мы часто оставляем его лежать, вместо того, чтобы поднять его на себя и понести.

И между нами так велико число тех, которые усердно оберегают свое «я», свою плотскую жизнь от соприкосновения с крестом!

Не появляется ли между нами все больше и больше таких, которые обеспечивают себе по возможности свою долю участия в жизни мира, в имуществе и уюте, таких, которые «помышляют о земном» (Колос. 3, 2), сохраняя в то же время имя и положение христиан?

Один наполеоновский полк потерял в сражении свое знамя с изображением орла. Наполеон выступил перед полком и говорил с солдатами приблизительно в таком роде. «Где ваш орел? Ваши ряды плотно сомкнуты густым строем, вы все имеете здоровый вид; не заметно среди вас истощения, ни кровавых потерь, но куда девался ваш орел?»

Вопрос Павла, обращенный к Коринфянам, есть вопрос о том, **куда девался их крест**?

И не своевременно ли повторить этот вопрос христианам наших дней и в частности многим отдельным людям? Свидетели Иисуса распятого, где ваш крест?

Вы имеете много такого, что кажется достойным вашего интереса и радости. У вас успехи, ваш домашний очаг, и ваша профессия — процветают; вы пользуетесь хорошим здоровьем; вы находитесь в прекрасных отношениях с людьми. Разве вы не имеете всего, чего может пожелать человек вашего склада? **История** вашей внутренней жизни без борьбы и страданий движется вперед. Вы ничего почти не можете сказать о душевной ломке, слезах и воплях внутренней борьбы. Но где же ваш крест?

Вы сами свидетельствуете, что спасетесь заслугою креста; где же знаки вашего общения с ним, где ваш крест?

Но может быть мы в опасности неправильно судить. Наверное, нет ни одного такого христианина, который не имел бы известного участия в бесславии креста Христова. Без этого он вовсе не мог бы сделаться христианином. Это мы должны признать и за Коринфянами, ссылаясь на Деян. 18; 1 Кор. 6, 11; 12, 2 и др.

Но мы говорим о кресте не как о средстве искупления или знаке мира между Богом и грешником; нет, мы говорим о кресте **следования за Иисусом**, о том кресте, который имеет власть предать смерти плотскую жизнь в нас, о кресте, как **символе смерти** нашей личной воли и личной жизни. Именно этот смысл придает Иисус Своим словам.—Матф. 16, 24. В этом смысле Апостол называет себя распятым со Христом. Павел хвалится крестом не только потому, что им оправдан, но и потому, что он через него распят для мира, и мир ля него (Гал. 2, 19; 6, 14).

Но о том, что можно быть оправданным через крест и, однако, бежать от креста в рассмотренном смысле,—свидетельствует наша собственная жизнь и христианская действительность эпохи. «Христианская жизнь большинства из нас,—говорит А. Моно,—есть в сущности постоянная попытка, следовать за Христом, не беря на себя креста, не уподобляясь смерти Господа».

Обыкновенно, отвечая на этот вопрос, указывают на общие всему человечеству беды, на болезнь, нищету, бедность, смертные случаи и т. д. и смотрят на это, как на «крест». Но весь список этих зол есть общий жребий смертных, как христиан, так и не-христиан.

Конечно, никто не будет оспаривать, что крест может быть возложен на нас именно в этой форме, и что именно так часто оно и бывает. Но на языке общежития евангельское название креста исказилось и смысл его умален. Крест Христов есть нечто по меньшей мере **своеобразное и особенное**, именно в смысле того настроения, с каким принимается, и в отношении того действия, которое Бог производит через него в душе человека.

Только путем глубокого внутреннего борения Иисус принял решение итти на крест. Потом Он взял его на Себя с полною готовностью, с доброю волею, чтобы на нем испустить дыхание. Так закончилось и усовершилось Его послушание, Его самоотречение и любовь.

Откуда же в **нашей** жизни происходит такое случайное, бесплодное страданье, в чем каждый из нас при честном самоисследовании может признаться?

«Я точно сделан из каучука,—сказал мне однажды один дорогой брат,—как только давление прекращается, сердце мое возвращается к прежнему состоянию». Другой сгибается под тяжестью скорби, как прут, но только кончилось напряжение, как он разгибается и устремляется вверх, в прежнее свое состояние.

Необходимо иметь тот же образ мыслей, те же чувствования, что у Христа, если страдания наши должны стать действительно **крестом** и если они должны воздействовать на нас с **силою креста.**

Если нет этого образа мыслей и чувств, то никакое страдание не заслуживает высокого имени креста.

С другой стороны, **наличие** образа мыслей и чувствований Христовых превращает всю внутреннюю и внешнюю нужду и все большие и малые испытания повседневной жизни в **действительный крест** и вместе с тем делается проводником благодати Божией, посредством которой Бог совершает в нас Свое дело.

Там, где этот крест,—в каком бы виде он ни представлялся—принимают с верою из рук Божиих, руководясь образом мыслей и чувств Христовых, там действительно совершается дело Божие; там личная воля и личная жизнь истекают кровью, там отрываются от видимого, и получают связь и общение с Невидимым,—там Христос преображается в человеческой душе.

Нет и не может быть бесплодного, пустого вступления в общение со страданиями Христовыми. В этом и заключается, может быть, самый верный признак того, носят ли наши страдания печать креста или нет.

Среди Коринфян действие креста прекратилось. И это было причиною их пресыщения и плотского образа мыслей. Об руку с отсутствием креста всегда и неизбежно идет отсутствие действительно прочувствованных духовных потребностей.

Нечувствительность, пресыщение и «тепловатость» овладевает умами. Более или менее приостанавливается духовный рост. Нет уж более речи об освежении, обновлении, очищении. Многие остаются такими, как есть и какими были годы и десятки лет.

Если даже там и тут слышатся вздохи и просьбы о силе и благодати, то в большинстве случаев отсутствует истинная, глубокая потребность в них. Очень легко переносят, если такие молитвы остаются без ответа и успеха. Находят много оснований, чтобы утешаться и успокаиваться. Таким образом нужда не настолько прочувствована, чтобы сделать услышание **необходимым и возможным.**

Наоборот, где имеется действие креста, там оно воспитывает духовные потребности, идущие вглубь. Это действие смертоносно для плоти и дел ее, и создает в душе глубокое сознание личного бессилия и пустоты; оно пробуждает в душе вопль к Богу; жажду к источникам духа и жизни во Христе и не дает духу успокоиться на ложных средствах утешения; наконец, оно учит уповать на обетования Божии.

Да откроет Господь глаза наши и сохранит от самообольщения! Да откроет Он и нам, как тесно связано наше существование и рост—с крестом! Пусть вопрос о кресте сделается огненною точкою опоры наших интересов и нашего внимания, чтобы и в наших сердцах ожил крик Цинцендорфа: «Господи! когда мое существо не захочет вступить в общение с Твоими страданиями, тогда **Ты** Сам оторви и привлеки меня к Себе силою».

Разве те, которые некогда были благословением для мира, не взывали к нам в смиренной решимости: «Следуйте за нами, живите, боритесь и умирайте, как мы!»—Разве не принимали они полного личного участия в кресте, и не в этом ли заключался успех их духовной жизни?

Перейдем ко второй части нашего исследования.

Вопрос о цели и необходимости страданий—древний вопрос и бесчисленное число раз был затронут.

Нам, детям Нового Завета, ответ не покажется трудным. Вопрос о Царствии, занимающий нас, есть вопрос борьбы и силы. Силы света и тьмы, истины и лжи, силы невидимого мира, «вышнего и нижнего», противостоят друг другу.

Здесь—контраст *), который познается не изучением различных теорий, религиозных систем и даже свидетельств веры, но путем действительных столкновений с этими силами, путем личного опыта.

Усмотренное Богом поле сражения есть история человечества от ее начала до самого конца. Враждебные силы противостоят Богу организованным, плотно сомкнутым строем, с выработанным планом сражения. Какого же рода средства борьбы?

Посмотрим на Личность и дело Христа. Все, что небо могло вложить в эту борьбу, исчерпано и воплощено в Личности Христа. «Сияние славы Бога и образ ипостаси Его» (Евр. 1, 3) были явлены в Нем; «в Нем обитала вся полнота Божества телесно» (Колос. 2, 9). Поэтому самое появление Христа вызвало в мире борьбу. Против Него устремляется вся вражеская сила тоже во всей своей исчерпывающей полноте.

С Его появлением трепет проходит по всем владениям преисподней... Его поприще начинается с искушения сатаною в пустыне. Затем в народе поднимается и растет против Него возмущение. Но Иисус противостоит этим обычным средствам,—ненависти, гонениям, клевете,—оставаясь в полном покое на почве самоутверждения и свидетельства. «Я есмь», «Я есмь»—вот что звучит единственною мелодией, проходя через всю симфонию Его чудес и дел.

Наконец, вражеские силы обращаются против Него с последним, решительным оружием открытого кровавого насилия. Но это последнее их средство,—они предали Его смерти на древе проклятия, и тем власть их закончена.

---

*) Противоположность.

Но и у Иисуса оказалось тоже новое, решительное оружие, средство сопротивления, а именно—**готовность страдать**. Его свидетельство смолкло. Он идет на заклание, как овца, безгласная предстрегущим, и не открывает уст своих. Он вступает тут в высшую, последнюю область Своей деятельности. Молча страдая, Он переводит Свое учение и все содержание своего свидетельства на новый язык **страдания**.

Все, чему Христос некогда учил о вере, смирении и любви, достигает здесь своего высшего утверждения и законченности.

Душа Сына Божия не только осталась совершенно свободной от всякого проявления неверия, нетерпения и горечи в этих неизмеримых глубинах испытания, но даже, наоборот, достигла в своих качествах высшей меры совершенства. Пред Богом и всеми созданиями, пред небом и адом, совершилось и оправдалось все Его послушание, вера, любовь и кротость. Именно здесь, на кресте, ожило все богатство Его внутреннего совершенства. Все сияние Его скрытой славы засияло здесь в неотразимой и законченной красоте.

Когда Иисус воскрес из мертвых, вся бездна лежала пред Ним в полном бессилии; Он имел теперь ключи ада и смерти, и всякая власть на небе и на земле была вручена Ему.

То, что придает жертве Христа характер искупления, это именно **святость** этой жертвы, как непорочного и чистого Агнца; и действие этой жертвы есть то, что через пролитие Его Крови были преодолены и отброшены вражеские силы.

Принадлежащий Иисусу народ должен итти по следам ног своего Учителя. Этот народ получил Его Духа, и через Дух Христов также Его жизнь, Его характер, Его достоинства. Каков Христос, таковы и Христовы в этом мире. Поэтому мир, лежащий во зле, восстает против народа Божия (Иоан 15, 20 и др.).

Церковь Божия должна в духе Иисуса встретить это противодействие и переносить его; у нее должна быть готовность страдать ради Иисуса.

Лучшею иллюстрациею в этом отношении является личность ап. Павла.

Описать историю его апостольского служения — значит описать его страдания. Он сам описывает их в приведенном месте *) таким сильным и выразительным языком, что всякие попытки толкования только ослабили бы впечатление.

И соединенные силы иудейского и языческого миров обнаружили свое полное бессилие в противодействии Евангелию, преткнувшись на этом человеке, которого Бог вел как бы в триумфальном шествии, которого Он сделал зрелищем для мира, ангелов и человеков. Немощное Божие и безумие во Христе оказались в нем сильнее и мудрее человеческого (I Кор. 1, 25). В нем горел огонь Господень, которого большие воды потушить не могли (Песни Песней 8, 6—7). Иудеям, которые преследовали Павла с ненасытною кровожадностью, он объявил, что желал бы даже быть отлученным от Христа ради них (Римл. 9, 1—3); язычникам он писал, что радуется, соделываясь жертвою за жертву и служение веры их (2 Кор. 12, 15; Филип. 2, 17).

Послания Апостола свидетельствуют о том, что именно его **крестный** путь, его страдания обнаружили, развернули и обогатили его всесторонне одаренную личность.

Каждый день умирая со Христом и проникаясь глубоким сознанием личного бессилия и немощи, Павел мог почерпать через крест обилие силы и Духа Христова.

---

*) 1 Кор. 4, 8—16.

Привлекательная красота его характера сказалась в этих словах: I Кор. 4, 12. Эти страдания Апостола послужили ободрением, утешением и уроком для Церкви Божией во все времена, подняли многих упавших духом и побудили многих к святым решениям; они имеют воспитательное значение для христиан, вплоть до наших дней.

Но каково же в противоположность этому **состояние Коринфян?**

Апостол пишет в сильном внутреннем волнении; он даже меняет тон, чтобы показать Коринфской общине всю остроту создавшегося контраста. Безумие и немощь во Христе, в которой предстоят Ему Апостолы, обнаруживаются как силы, побеждающие мир. Но что же выходит из пресловутой мудрости и славы Коринфян? Ответ ясен: с внешней стороны они не имеют никакого влияния, ни силы воздействия; с внутренней—невоздержны и распущены.

Если еще голос Духа и истины достигает слуха Коринфян, то для того, чтобы в них пробудить сознание, что все их преимущества—пустой самообман, они нуждаются в том, чтобы коренным образом одуматься, притти в себя, склониться, и обратиться вновь к забытой Личности Христа.

Какие же практические выводы должны мы извлечь для себя из всего этого?

Наше дело и наша задача по насаждению Царства Божия здесь, на земле, состоит, как и прежде, в том, чтобы вступить в эту древнюю духовную борьбу. И теперь, как и прежде, темные духовные силы господствуют над человеческими душами и определяют дух времени (Ефес. 6, 12).

Откуда же получается в нашей среде обратная картина? почему отовсюду слышатся жалобы на **недостаток и отсутствие силы**, и бессилие это проникает так глубоко в христианскую действительность? Разве мы не в тех же руках великого Учителя, как и первые свидетели Христа? Разве не к нам относятся Его обетования?—Исследуя эти вопросы при свете Слова Божия и поддержке Духа Святого, мы вскоре убедимся, что вся беда в **нас самих**, что препятствия должны быть побеждены в нас именно и исключительно путем **страдания.** Закон страдания должен проявить свою силу в этой внутренней борьбе.

Первое условие победоносной борьбы—**честность** воина. Необходимо порвать все тайные и явные сношения с противником. Когда объявляют войну между двумя народами, то прекращают всякие дипломатические сношения, послов отзывают, и дело покоится только на остриях мечей.—Порвали ли мы таким образом со всеми тайными и явными отношениями к тем духовным властям тьмы, против которых выступили в поход?

Апостол описывает свое положение в мире, как безумного во Христе, презренного, гонимого, обиженного человека, которого даже не хотят считать членом человеческого общества. Мир имеет такое чувство, как будто на арену открытого служения и страдания вступил человек, порвавший с миром вполне и окончательно, до мелочей.

В этой противоположности и заключается сила того влияния, которое Апостол повсюду оказывает на мир. Где только Павел живет и действует, там мир чувствует себя под угрозой, в беспокойстве и ожидании нападения.

Союз с враждебными духовными силами легче всего уживается в нашей плоти и крови. Здесь враг имеет свои авангарды и аванпосты. Порвали ли мы с этими изменническими «друзьями» и дали ли мы полный простор Духу Иисуса?

Плоть умеет вести тонкие дипломатические переговоры, часто прикрываясь библейскими именами, лишь бы удержать престол за своим «я».

Кто любит свет и хочет подчиниться суду света, тот не будет долго колебаться над решениями (Лук. 14, 25—26). Апостолы отказались от мира

в какой бы то ни было форме. Они отбросили с полною решимостью обычные препятствия повседневной жизни, в которых мы так легко запутываемся и которыми побеждаемся, потому что ищем «своего». Поэтому Апостолы могли потом достигнуть еще больших побед над собою и венцов славы. Презирая видимое, они сражались воистину как добрые воины Христовы.

Обетования Божии во Христе все тверды, «да и аминь», и не замедлят исполниться над нами, как только мы порвем с грехом и будем впредь избегать его во всех видах; и тогда выйдем из этого состояния равнодушия, двоедушия и маловерия.

Первая заповедь Божия повелевает любить Бога **всем сердцем** безраздельно, и только Его Одного; Он постоянно зовет сложить все ярмо, весь груз нашего личного существования на Него в полной радости и спокойном уповании.

Разве Иисус, Который начал в нас Свое дело, не может ввести нас вполне в состояние полного смирения и совершенной отдачи? не может сделать это смирение законом нашей жизни в Нем, подобно тому, как закон жизни по стихиям мира сего у сатаны есть гордость?

И разве мы должны до конца страдать под тяжестью гнетущего нас холодного сердца и безразличного духа, тогда как мы должны бы гореть для славы Божией?

Конечно, это не введет нас тотчас в состояние безоблачной, безмятежной жизни побед. Писание часто говорит, что наша внутренняя жизнь имеет характер **роста**. Да оградит нас Господь от нетрезвого, плотского увлечения и рвения, но пусть Он вложит в наши сердца **решимость** порвать дело с грехом и стать всецело на Его сторону!

Есть только один путь к освобождению от проклятия нашей старой природы, это—**смерть ее** (Римл. 6). Когда это перестанет быть у нас только простым учением и перейдет из области бессильных и бесплодных теорий в область плодоносной практики, тогда страдание сделается для души законом: «я должен». На вопрос Господа (Матф. 20, 22)—мы ответим тогда, как и Апостолы, решительным: «да, можем!» И Господь подкрепит наше решение Своим, аминь.

Каково же было личное отношение ап. Павла к страданиям Христовым? Для непосвященных казалось бы, что он жалуется на свои крестные пути. Напротив,—Апостол радуется им, и видит, как в тысячу раз вознаграждается его каждый вздох. Он, человек пресыщенный страданиями, видит, как тесно они связаны с победою и славою; приобщение к страданиям Христа ведет нас и к приобщению Его Личной славе! Для Павла Христос стал единственною любовью, а все прочее, видимое,—сором.

Итак, ап. Павел представляет собою редкое, исключительное явление в смысле своей преданности Христу и общения с Ним в продолжение всего своего жизненного пути; поэтому его призыв следовать за ним **в том, как** он подражал **Христу,** не останется бесплодным. (Фил. 3, 17; 2 Фесс. 3, 9; Галат. 4, 12; 1 Кор. 11, 1.).

Г. Н.

В МИРЕ, НО НЕ ОТ МИРА.

Мы живем среди мира страданий,
Мы идем среди горя и слез
К царству славы путем испытаний,
Несчастливых, мучительных грез.

И сжимается сердце от боли—
Рвется мир обрести и покой,
Жаждет света, свободы и воли...
И захочется в небо, домой!

М. Плецкий.

ДАВИД.

Тихо в доме у Саула.
Ночь объяла сном людей,
В сумрак мягкий окунула
Сад цветущий и ручей.
Смолкли клики пирований,
Шум оружия затих;
Только слышны за стенами
Голоса сторожевых.
Во дворце не спят лишь двое:
Царь Саул и с ним Давид.
Первый в злобе беспокоен,
А второй добром горит.
Злобы дух объял Саула,
Сон на мысль ему нейдет.
Он, бросаясь в темный угол,
Словно дикий зверь ревет.
А Давида дух спокоен,
Вдохновенья полон взор!
Белокур он, юн и строен,
А в душе—святой простор.
Он следит за господином
И его печален лик:
Не напрасно-ль с царским сыном
Так союз его велик?
Грезы сердца молодого,
Окрыленные мечты!
Для Давида дорогого
Вы не будете пусты.
Он привычною рукою
Гусли стройные берет
И кудрявой головою
Наклоняется вперед...
Полились живые звуки,
Полны грусти и любви,
Бурной радости и муки,
И хваленья, и мольбы.
Так бывает на просторе
Ветер жалобно поет,
Или буря в синем море
О скалу волнами бьет.
Лишь порою замирает
Вьюгой стонущий аккорд,
Засмеется, зарыдает,
Как рокочущий народ.
Царь Саул безумным взором
На Давида зло глядит.
Полон зависти, укора,
Он ненавистью горит!
Вмиг порывистой рукою
Он метнул свое копье...
Над кудрявой головою
Пролетело острие.
Божьей милостью хранимый
Был спасен певец Давид,
А царя неодолимый
Охватил и страх и стыд.
Замирали тихо звуки,
Как елей святой лились...
И с души царя все муки
Темной тучей унеслись.

И. Дзыгал.

ВСЛЕД ЗА ХРИСТОМ.

О, как трудно итти
Мне на узком пути
Каменистом!
Ураган-то ревет—
Даже ужас берет—
Все со свистом!
Я ж ничтожен собой,
И бороться с судьбой
Малосилен!
И давно бы погиб,
Если б был я забыт
Тем, Кто силен!
Но глядя на Христа,
В ком всех сил полнота,
Я мужаюсь!
И иду я в народ
Шаг за шагом вперед—
Подвизаюсь.
Изнемог и Христос,
Когда крест Себе нес
Для распятья.
Но зато воссиял,
Как из гроба восстал
От проклятья.
Вот и я так в труде
Пробираюсь в нужде
В земном поле.
В небе ж песнь воспою
Как Христа я узрю
На престоле.

Н. Маскин.

ТИХИЕ БЕСЕДЫ О МОЛИТВЕ.

С. Гордон.

Ч. III. Как следует молиться *).

Гл. I. Какое должно быть отношение к Богу.

Когда мы в жизни хотим иметь с кем-нибудь дело, мы должны войти с этим лицом в сношение, и выполнить для этого различные определенные условия.

Так и в отношениях наших с Богом.

Если душа наша хочет установить с Ним связь, — а связь эта есть **молитва** наша и **ответ Его на нее,**—то нам тоже приходится выполнить известные условия.

Молитва—это непосредственное общение с Богом. И общение это есть связущее звено между Богом и миром. Каждый человек представляет из себя такого «посредника» между Творцом и творением.

Но надо отдать себе ясный отчет в следующем:

Грех отлучил человека от Бога, и человек не мог бы вступить с Богом в общение, если бы Господь Иисус Христос не восстановил прерванную связь нашу с Ним. Он **соединил** в Себе оба естества. Мы возвращаемся к Богу Отцу через Него, и **только** этим путем, только путем прощения греха нашего.

Искупительная жертва Христа — вот основание для молитвы человека.

В евангельских повествованиях, обнимающих три с половиною года служения Иисуса Христа, встречаем мы несколько указаний Его относительно молитвы. Перечтем же внимательно эти места и хорошенько вникнем в смысл Его слов.

1. В ев. от Матфея 18, 19—20 читаем: «...**если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного».**

Заметьте место молитвы — «на земле»; широту прошений, — «о всяком деле»; и непреложность обетования — «будет им». Затем—дается причина, почему Бог услышит молитву: «Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Это значит, что, когда молятся двое, — молящихся оказывается **трое:** Христос присутствует тут!.. Всегда, когда собрались люди для молитвы, бывает одним, невидимым для нас, лицом больше. Если, в минуту уныния, вы, может-быть, себе говорите: «Не услышит меня Бог! я такой большой грешник!.. я так слаб!.. — вы, конечно, не правы: так нельзя думать и рассуждать: но, даже **еслиб** вы не могли отделаться от этой мысли, вспомните одно: Иисус Христос молится в эту минуту вместе с вами. А Отец всегда слышит молитву Его!

И всюду, где возносится Богу искренняя молитва, Господь Иисус участвует в ней и делает ее молитвою **Своею.**

2. У ев. Марка 11, 22—24: «Иисус отвечая, говорит им: **«Имейте веру Божию».** Здесь Христос особенно подчеркивает слово «Божию». Главное действующее лицо в молитве—Бог.

«Ибо истинно говорю вам: если кто скажет горе сей: «поднимись и ввергнись в море»... Господь, как вы видите, говорит о вещи самой несбыточной. Такого события никогда не совершалось. Нигде мы не читаем, чтоб Господь Иисус действительно приказывал настоящей горе перейти с одного

*) См. «Христианин» № 6 за 1927 г.

места на другое. Повидимому, никогда не оказывалось и надобности в таком передвижении. Но Он нарочно берет в пример самое неудобоисполнимое, чего мы себе и представить не можем.

Дальше: «...**и не усумнится в сердце своем**», — такое определение дает Христос Иисус вере. Если он не усумнится в сердце своем, «**но поверит, что сбудется по словам его,—будет ему, что ни скажет.** Потому говорю вам: всё, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите,—и будет вам».

Как необ'ятна широта последнего обетования! И для бо́льшего подтверждения его ему предшествуют слова: «потому (Я) говорю вам». Обетование относится **ко всякому** просителю и **ко всему** просимому, **ко всякой** вещи и **к каждому** человеку. Читая эти слова, мы всегда инстинктивно чувствуем, что следует относиться к ним с святою осмотрительностью: необходимо их обнести как бы особою оградою...

Четыре последние указания заключаются в евангелии от Иоанна.

Предательство и измена окружали в то время Господа. Евангелист Иоанн передает многие задушевные беседы Его с учениками Своими в эти дни.

3. В Иоан. 14, 13—14 читаем: «**И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне; если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю**». Повторение обещания этого как бы имеет целью закрепить его, сильнее запечатлеть его в сердцах слушателей.

4. Иоан. 15, 7: «**Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут...**» Слово «пребывать» имеет особое значение. Это не значит когolибо «мимоходом посетить». Нет. Это значит — прочно где-либо **основаться**, с намерением оттуда не уходить. «Просите». Обращайтесь с просьбами...

Ни слова здесь не упомянуто о воле Божией; здесь идет речь лишь о **наших желаниях**. «И будет вам», другими словами, «Я это сделаю для вас». Практическое значение этих слов таково: «Если пребудете во Мне, и **проникнетесь** словами Моими, просите всего, что́ вы желаете получить, и Я сделаю так, чтобы вы получили просимое». Вот в чем заключается главная сила этих слов.

5. В той же главе, в стихе 18, читаем: «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы **шли и приносили плод**, и чтобы плод ваш пребывал, дабы, чего ни попросите от Отца во имя Мое, Он дал вам». Избрав нас, Бог имел намерение нас сделать **участниками** дела Своего.

6. Наконец последнее из слов Христа о молитве мы находим во второй половине Иоан. 16, 23 и в следующем за ним стихе: «Истинно, истинно говорю вам: **о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам**; доныне вы ничего не просили во имя Мое; **просите, и получите, чтобы радость ваша была совершенна**»

Все эти изречения свидетельствуют о необ'ятной широте молитвенных прошений. **Позволено просить всякому и просить все, чего он ни пожелает.** Должны быть при этом только соблюдены три условия: 1) молитва должна быть принесена **во имя Господа Иисуса**; 2) просящий должен быть в полном **единении** с Ним, и 3) лицо молящееся должно иметь **веру** в получение просимого им.

Заметим следующий важный факт: слова эти Христос говорил **не** всему народу. Он обращался тут к небольшой группе близких Ему двенадцати учеников. Господь с толпою народной говорил иным языком, учил ее иным способом, чем этих людей, **отделившихся** от народа, оставивших все, и сделавшихся близкими последователями Его.

Заметим также, что прежде, нежели Он обратился с этими словами к Своим ученикам, Господь сказал им еще и нечто другое, а именно: Он

открыл им, что Ему предстоят страдание и смерть, и—воскресение. Эти слова так поразили учеников, что вызвали даже возражение со стороны апостола Петра, которого Христос по этому случаю строго и остановил.

Вспомним, что в ту пору произошел уже полный разрыв Господа с вождями народа. Христа обвиняют в союзе с сатаною и твердо решают так или иначе Его уничтожить. Никакого примирения быть не может. И потому теперь Он часто удаляется с своими двенадцатью учениками в места пустынные, и там поучает и наставляет их. **Вот при каких условиях** были сказаны те слова Его о молитве, которые мы разбирали выше. Этого не следует выпускать из виду. Оказывается, что еще раньше того, Христос говорил об исполнении Богом молитвенного прошения человека—Он ученикам своим сказал иное слово:

«**Если кто хочет итти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною**» (Матф. 16, 24).

Итак—вот к кому эти слова, эти обещания, относятся. **Не ко всем.** Только к тем, кто, как ученики, пошли за Христом. А **пойти за Ним — это значит** «**отвергнуться себя**», как тут сказано.

Но прежде всего надо «захотеть». «Если кто **хочет** итти за Мною...» Требуется непреклонная **решимость**, непоколебимая, твердая **воля**. Захотеть— и решиться.

«Итти за Христом»... Следование за Господом дает силу жизни Христовой. Но вместе с тем это значит — пребывать в «пустыне», как Он, быть искушаемым—как и Он был... Возможно, что это потребует от человека жизни в безвестном «городе Назарете»...

Итти за Христом—это означает, почти всегда—обречь себя на полное духовное одиночество: ведь люди в течение долгого времени не признавали учения Христа. Духовно одинокий, следующий по пути Христову, пройдет и через свою «Гефсиманию», — через минуты борения и скорби смертельной... Ожидает его и «Голгофа».

Недосягаемо-высок Христос, и далеко нам до совершенной чистоты Его, нам — малым слугам, малым ученикам Его! Поэтому не сравнятся и наши испытания и скорби с тем, что перенес Он. Но, тем не менее, скорби **будут**, этого мы должны ожидать. Только — если мы «идем за Христом»—значит совершенно сливаем свою волю с волей Божией, а если так, то к нам относятся и великие обетования, которые Христос дал **ученикам** своим: «если что попросите—будет вам».

И не надо страшиться: путь Христов **не тяжел** для человека, который **хочет** следовать этим путем во чтобы то ни стало. Присутствие Господа Иисуса в жизни смягчает остроту всякого страдания.

Итак—если человек исполняет поставленное Иисусом Христом условие, если он решился всегда пребывать с Ним, тогда он может просить, чего он ни пожелает, и «будет ему».

Причина, почему молитвы так многих людей лишены силы, кроется только в одном: люди эти **не хотят**—скажу это прямо—подчиниться словам Христа, которые, для плоти их, представляют собою «меч обоюдоострый». Надо искренно решиться следовать путем, указанным Христом. Спокойно, не вдаваясь ни в крайности ни в фанатизм, изо дня в день неуклонно итти туда, куда зовет нас внутренний голос; тогда молитва наша будет сильна, и Господь даст нам, чего мы просим.

Если мы искренно преданы какому-либо делу, то это выражается в желании содействовать его успеху; если преданы человеку, то всячески стремимся служить интересам его. Господь Иисус сказал — и этим сразу охарактеризовал Свое отношение к Богу—«Я всегда делаю то, что Ему угодно».

Верующий человек должен чувствовать неудержимое стремление делать благоугодное Господу Иисусу. Эта такая на первый взгляд простая и очевидная истина! Но вдумайтесь в нее, и вы убедитесь, что далеко не все этой истиной прониклись. Надо нашу волю **вполне** отдать Богу. Надо, чтобы в жизни не было иного **побуждения**. иной **причины**, иной **цели** действия,—кроме желания делать благоугодное Ему.

Если вы до сих пор еще не руководствовались этим правилом, попробуйте поступать согласно ему в течение хотя бы некоторого времени: сообразуйте с ним всякую вашу мысль, слово и дело. Следуйте этому принципу в делах личных, домашних, служебных, общественных и семейных. И это вовсе не значит, что надо постоянно задавать себе вопрос: «Так ли я поступаю? Хорошо это—или дурно?» Нет, это совсем не то. Это не есть проведение строгой границы между «злом» и «добром». Существует много вещей в мире, на самом деле не дурных, но **отношение** наше к ним может быть Господу неугодным, или **употребление** их нами — неправильным.

Возьмем самый простой пример: вот купец, который торгует разными тканями. Предположим, что купец этот захочет начать жить так, чтобы совершенно согласовать свою волю с волей Божией. Он оглядывает свой товар, и ему приходит такая мысль: а ведь следовало бы, собственно говоря, пустить всю эту материю по более дешевой цене. Это было бы правильнее. Правда, другие торговцы придерживаются теперешней цены, желая нажить побольше; но ведь **я-то хочу делать угодное Богу.** Конечно, придется из-за этого потерять целых шестьдесят процентов... Пусть. За то я сделаю угодное Ему». И он снижает цены.

В каждом отдельном случае нашей жизни мы можем поступить различным образом. Весь вопрос в том—как сделать, чтобы это было согласно с волей Божией. Если человек решится этой мыслью руководствоваться, то ему придется не раз задуматься над своими вкусами и привычками, над отношением к исполнению обязанностей; над тем, каковы люди, с которыми он ведет дружбу, каковы те дела, которым он отдает свое время и силы... «Отвергнись себя... возьми крест свой...» Человек постоянно держит в памяти эти слова, и проверяет себя ими.

Но не возникает ли у читателей моих такая мысль: да может ли это быть, чтобы человеку поставлены были такие неумолимо-суровые условия? Неужели иначе Бог и не исполнит молитву нашу? Допустимо ли, что милосердный Господь дает нам просимое только в том случае, если мы соблюдаем известные правила?

Конечно — нет. И не в том тут и дело. Чтобы понять это, надо вспомнить, в чем **сущность** молитвы.

Молитва ведь есть такой акт, при котором душа человека, возносясь к Богу, **сливает свою волю с волей Божией,** так, что обе эти воли имеют **одну общую цель.**

Молящийся человек на земле и Господь на небесах должны оказаться в таком единении, чтобы мысли Божии сделались и мыслями человека, желания Божии были повторены на земле в молитве его.

Вот в чем суть молитвы, и основание для того, чтобы она была исполнена.

Если мы вдумаемся в человеческую, земную жизнь Христа Иисуса — перед нами открывается, во-первых, чудесная **деятельность** Его, и поныне еще приводящая в изумление весь мир.

Затем — поражает нас **молитвенная жизнь** Христа, вообще говоря — невидная для посторонних взоров, но о которой мы можем получить некоторое представление по немногим, дошедшим до нас, намекам.

Наконец, обратим внимание еще на одну замечательную черту в «Человеке—Христе Иисусе»—на Его постоянное **желание делать только то, что угодно Богу**. «Я всегда делаю то, что Ему угодно». (Иоан. 8, 29).

Просмотрим евангелие от Иоанна: сколько раз с уст Господних срывались эти многозначительные слова: **не** Моя воля, **не** Мои дела, **не** Мои слова... Он пришел на землю, чтобы творить **не** Свою волю. Главною задачею Его жизни было **делать угодное Отцу**. В этом заключалась **вся тайна силы Его земного поприща**. Правильное отношение к Богу; сокровенная близкая к Богу молитвенная жизнь; чудная сила, оказывавшая большое влияние на окружающих,—вот три основных черты, основных «тона» жизни Христа.

В конце второй главы евангелия от Иоанна встречается замечательное место: «Многие, видя чудеса, которые Он творил, уверовали во имя Его. Но сам Иисус **не вверял** Себя им, потому что знал всех» (Иоан. 2, 23—25).

По смыслу употребленных в подлиннике слов мы видим, что многие, видя чудеса Его, доверялись Ему, но Он **не доверялся** им, потому что знал их всех. Я не сомневаюсь в том, что большинство из нас, если не все мы,—читающие и пишущий это — «доверяемся» Ему. Но позвольте мне задать вам вопрос: может ли **Он доверять нам?** В состоянии ли мы по совести ответить на этот вопрос: **«да!»** И затем — еще вопрос: какая цель нашей жизни—вашей, моей? Ведь всякая жизнь имеет определенную цель... Делать угодное Ему,— **это ли** цель нашей жизни? Если мы ответим на этот вопрос словом «да», тогда благо нам!

Великое утешение—помнить, что Бог судит человека не по его делам, не по его подвигам, а по **намерениям его сердца**; не по тому, каков я в данное время, но по тому, каким я **хотел бы быть** в глубине моего сердца, к чему стремится душа моя. Если Бог может в этом отношении «доверять» вам, если вы хотите отдать вашу жизнь безраздельно на служение Ему Он изольет обилие благословений Своих на вас.

Истина эта постоянно находит себе наглядное подтверждение даже в окружающей жизни: на каком бы поприще человек ни работал, но, если он сумел заслужить доверие, он начинает пользоваться все большими привиллегиями; видя, что он преследует не свои корыстные цели, а думает о пользе предприятия, — его ценят, ему дают ответственные места, и его труд лучше оплачивают. Ведь это так естественно!

Конечно—это только намек на те отношения, которые могут существовать между отдельным человеком и Хозяином его жизни, но принцип остается все тот же. Если мое отношение к Богу выражается словами: «вся цель, вся главная задача моей жизни — делать угодное Ему», тогда я могу смело просить у Него всего, чего мне хочется получить, и «будет мне» дано.

Вот от чего зависит успех моей молитвы. Человек, желающий сообразоваться в своей жизни с требованием Христа, «отвергнись себя, возьми крест свой и следуй за Мной», — желающий следовать за Ним, куда бы Он ни шел,—должен, отказавшись от нездорового фанатизма и болезненных крайностей, неуклонно, изо дня в день, итти за Христом, куда Он ведет; тогда все шесть обетований Господа Иисуса с их беспредельною ширью делаются достоянием этого человека, и он может постоянно ими пользоваться по своему усмотрению *).

---

*) См. след. №.

У КРЕСТА.

Израненный жизнью, усталый, безвольный,
Я вновь подошел ко кресту. У подножья стою.
Хитон мой разорван. Прах дольний
Засыпал мне очи и голову—осень седую—мою.

Я слабо держусь на ногах... Я вот-вот упаду...
Всем телом затрясся... К подножью упал...
Голова помутилась... Где спасенье найду?..
И, падая на земь, спасаясь, подножье обнял...

Обнял,—и лобзаю, как будто бы матерь родную мою;
Ту милую матерь, что спит под землей,
Уведя с собой Веру, Любовь и Надежду мою...
И хлынули слезы горячей струей...

Смешались со прахом: текут полосами,
И душу свежат мне,—как пашня свежится
Весной животворной—дождями...
И легче на сердце. Ясна голова. Не кружится.

И—дивно!.. На мне не хитон, а порфира!..
И очи, как Божии звезды, ясны!..
И прах с меня сдунут устами Зефира...
Все боли и раны исчезли, как сны...

Подал со креста Он мне новую силу
И ласково-тихо сказал:
„Иди!"... И по слову я встал...
. . . .

Я радостно слился с родною толпою;
И, смело шагая вперед,
Цветы рассыпаю я щедрой рукою,
А кто-то незримо мне их подает...

И Он же, Незримый, таинственно шепчет:
„Когда изнеможешь, устанешь,
Собьешься с дороги в пути,
Когда, как цветок полевой, ты завянешь,—
К подножью креста подойди!..
Тогда с тобой чудо свершится:
Как сельный крин вновь расцветешь!..
И милую Матерь—Софию-Премудрость,
И сестер твоих—Веру, Надежду, Любовь—обретешь!"...

Вл. Покровский.

ОБ УКРЕПЛЕНИИ ВЕРЫ.

Г. Мюллер.

Я желал бы, чтобы все дети Божии, которые будут читать эти строки, могли чрез их посредство притти к более полному и простому упованию на Господа относительно всего, в чем они могут нуждаться при всяких обстоятельствах, и чтобы полученные мною многочисленные ответы на молитвы— воодушевили их молиться,—особенно об обращении их друзей и родственников, об их собственном возрастании в благодати и познании, о состоянии святых, которых они знают лично, о состоянии всей Церкви Божией вообще, и об успешном проповедании Евангелия.

Я хочу в особенности с любовью предостеречь их, чтобы сатана не внушал им мысли, будто все это свойственно только мне, и что **не все** дети Божии могут этим пользоваться; потому что хотя и не все верующие призваны основывать сиротские приюты, бесплатные школы и т. п., а также верою получать от Господа средства к жизни, все-таки все верующие **должны** в простом уповании веры возлагать все заботы свои на Господа, полагаясь на Него во всем; и не только все делать предметом молитвы, но и ожидать ответа на свои молитвы, произнесенные ими **согласно с Его волей и во имя Иисуса Христа.**

Не думайте, дорогой читатель, что я имею дар веры, о которой мы читаем в I Кор. 12, 9 и о котором упоминается наряду с дарами исцеления, чудотворения и пророчества, и что в силу этого я в состоянии верить Богу. Это правда, что вера, которую мне дано проявлять, есть безусловно дар Божий; правда, что Он один поддерживает ее, и Он один только и может ее увеличивать; правда, что я постоянно черпаю эту веру из Него, и что если бы я хотя на минуту был предоставлен самому себе, то моя вера потерпела бы полную неудачу; но это неправда, что вера моя есть тот «дар веры», о котором говорится в I Кор. 12, 9, и именно по следующим причинам.

1. Вера, которую я имею возможность проявлять по отношению к сиротским приютам и моим собственным материальным нуждам, не есть та **вера,** о которой говорится в I Кор. 13, 2 *): «Если я... имею... всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто»,—но это та самая вера, которая находится **во всяком** верующем, и возрастание которой я вполне сознаю в себе самом, потому что мало-по-малу она увеличивается в течение последних 57 лет.

2. Эта вера, которая проявляется по отношению к сиротским приютам и моим личным материальным нуждам, проявляется в такой же мере и касательно следующих предметов: мне дано было ни разу **не усомниться** в продолжение последних 57 лет **в том, что мои грехи прощены,** что я—чадо Божие, что Бог меня **любит** и что я имею **спасение**; и все это потому, что по благодати Божией я в состоянии верить в Его слово, и **полагаться на то, что Он говорит в решающих эти вопросы текстах.**—См. I Иоан. 5, 1; Гал. 3, 26; Деян. 10, 43; Римл. 10, 9—10; Иоан. 3, 16 и др.

Временами, когда все, судя по внешности, казалось темно, в смысле моего служения среди святых; когда мне следовало бы быть поглощенным печалью и отчаянием, если б я смотрел на вещи с их наружной стороны,— в такие времена я утешался Господом, опираясь в вере на Его всемогущую

*) Очевидно, в связи с верой, упоминаемой в I Кор. 12, 9.

силу, на Его неизменную любовь, Его безграничную мудрость, и говорил самому себе: Бог в состоянии и готов мне помочь, **если это будет мне во благо**, потому что написано: «Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?» (Римл. 8, 32). Это, **именно это**, когда я, по благодати, этому верил, сохраняло душу мою в мире.

Затем, когда, в связи с сиротскими приютами, школами и проч., меня постигали испытания, гораздо более тяжкие, чем недостаток средств, когда о сиротах распространяли клевету, будто их морят голодом, будто с ними жестоко обращаются и т. п., или когда меня постигали другие испытания в связи с этим делом, и притом в такое время, когда я сам находился почти за полторы тысячи верст от Бристоля и должен был оставаться в отсутствии неделю за неделей,—в такие времена душа моя покоилась в Господе. Я верил обетованиям в Его Слове, которые могли быть применены в подобных обстоятельствах. Я изливал перед Ним душу свою—и вставал с колен в мире, потому что лежащая на сердце забота была в молитве веры возложена на Господа, потому что я видел Его волю в том, чтобы мне оставаться вдали от дела. По благодати Божией я желаю, чтобы моя вера распространялась на все, на малейшую из моих материальных и духовных нужд, на нужды моей семьи, по отношению к святым, среди которых я тружусь, к Церкви Божией вообще, и т. п.

Не думайте, дорогой читатель, что я какой-то необыкновенный верующий! Сделайте лишь опыт! Только оставайтесь в покое в час испытания,—и вы увидите помощь Божию, если вы на Него полагались. Но так часто случается, **что в час испытаний оставляют пути Божии!** Тогда питание веры, т.-е. то именно средство, которым вера могла бы увеличиться,—утрачивается.

Для того, чтобы наша вера укреплялась, мы должны помнить:

1. «Что всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены» (Иак. 1, 17). Так как возрастание веры есть даяние доброе, то оно должно исходить от Бога и поэтому следует просить Его об этом даре.

2. Необходимо, однако, пользоваться внимательным, усердным чтением Слова Божия, размышляя о прочитанном. Чрез чтение Слова Божия, и в особенности чрез размышление о нем, верующий все более и более узнает природу и характер Бога, и убеждается все более и более не только в том, что Бог справедлив и свят, но также и в том, какое Он доброе, любящее, милостивое, сострадательное, могущественное, мудрое и верное Существо; и потому—в бедности ли, в телесных ли страданиях, при семейных утратах, в трудностях служения, или когда является нужда в занятиях или месте,—он будет полагаться на то, что Бог в состоянии помочь ему; ибо из слов Его он научился понимать, что Бог всемогущ и безгранично мудр; он видел также в Свящ. Писании случай за случаем, где это всемогущество и безграничная мудрость на самом деле проявлялись для помощи и избавления Его народа. И верующий будет полагаться на готовность Божию помочь также и ему.

3. Чрезвычайно важно стараться сохранить правое сердце и добрую совесть, и поэтому **не пребывайте сознательно** в чем-либо таком, что противно воле Божией. Это в особенности важно по отношению к возрастанию в вере. Все мое доверие к Богу и вся моя опора на Него в час испытания исчезнут, если у меня **совесть не будет чиста**, и если я не постараюсь удалить эту нечистую совесть, но буду продолжать делать то, что противно воле Божией. Если в каком-нибудь особенном случае я не смогу положиться на Бога, вследствие нечистой совести, то вера моя будет ослаблена этим случаем недоверия, потому что вера с каждым новым испытанием либо возрастает—если мы доверяем Богу,—либо умаляется, если мы Ему не доверяем. В таком

случае у нас будет все меньше и меньше силы взирать просто и прямо на Него, а вследствие этого явится и будет развиваться привычка—полагаться на самих себя.

Итак: или мы уповаем на Бога и, в таком случае,—не полагаемся ни на самих себя, и ни на что другое, или мы действительно рассчитываем на что-либо подобное и, в таком случае,—мы не доверяем Богу.

4. Если мы на самом деле желаем, чтобы вера наша укрепилась, то мы **не должны уклоняться** от таких положений, в которых вера наша будет подвергаться испытаниям, и вследствие этих испытаний будет укрепляться. В нашем природном состоянии мы не любим иметь дело один на один с Богом. Вследствие нашего удаления от Бога, мы чуждаемся Его вечных истин. Эта наклонность сохраняется в нас даже и после нашего возрождения. Отсюда происходит то, что более или менее, даже как верующие, мы чуждаемся стоять одни с Богом, **избегаем быть в зависимости только от Него Одного**, и уклоняемся от того, чтобы взирать на Него Одного. А между тем это именно и есть то положение, в котором мы должны находиться, если хотим, чтобы вера наша укреплялась. Чем более я нахожусь в таком положении, где вера моя будет испытываема по отношению к моему телу, моему семейству, моему служению для Господа, моей мирской службе и т. п., тем более я буду иметь возможность видеть помощь и избавление от Бога; и каждый новый случай, в котором Он мне помог и избавил меня, будет содействовать к укреплению моей веры. Вследствие этого, верующий не должен избегать таких условий, положений и обстоятельств, при которых его вера может подвергаться испытаниям; наоборот, он должен с радостью встречать их, как **удобные случаи увидать руку Божию**, простертую к нему для помощи и избавления.

5. Последнее важное условие для укрепления нашей веры, это то, чтобы **мы давали Богу время** действовать за нас, когда наступает час испытания, а не старались устроить выход собственными усилиями. Там, где Бог дает веру, Он дает ее, помимо других причин, именно **для той цели, чтобы она была испытываема**,—«дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе в явлении Иисуса Христа» (I Петр. 1, 7).

Да, как бы ни была слаба наша вера, Бог будет ее испытывать; с тем только ограничением, что—как и во всех других отношениях Он ведет нас осторожно, постепенно, терпеливо,—так и относительно испытаний нашей веры. Вначале она будет испытываема очень мало, в сравнении с тем, как это будет случаться впоследствии; потому что Бог никогда не возлагает на нас более того, что Ему угодно дать нам перенести. Между тем, когда наступает испытание веры, мы по нашей природе склонны не доверять Богу, и более полагаться на себя, или на других людей, или на обстоятельства. Мы скорее так или иначе устроим избавление собственными средствами, вместо того, чтобы **просто взирать на Бога, и ожидать помощи от Него.**

Но если мы не будем терпеливо ожидать помощи Божией, если мы сами устроим избавление, тогда при следующем испытании веры будет опять то же самое: мы опять будем стремиться **сами** вывести себя из затруднения; таким образом, с каждым новым подобным случаем наша вера будет уменьшаться. Между тем как, наоборот, если бы мы стояли спокойно, чтобы увидеть спасение Божие, чтобы увидеть Его руку, простертую для нашей помощи и если бы мы полагались на Него Одного—тогда наша вера увеличивалась бы, и с каждым новым случаем явления руки Божией для помощи нам в час испытания, наша вера возрастала бы все более и более. Поэтому, если верующий хочет, чтобы вера его укреплялась, он должен в особенности **давать время Богу**, Который испытывает его веру, чтобы показать Своему чаду,

в конце концов, как Он готов помочь и избавить его в ту именно минуту, **когда это для него полезно.**

Если у читателя явится мысль, что я должен находить такую жизнь очень тягостною, что я, вероятно, утомлен такою жизнью, то я позволю себе возразить, что он совершенно ошибается. Я не нахожу эту жизнь тягостною, а, напротив,—очень счастливою. Невозможно описать обилие мира и небесной радости, часто переполняющие мою душу вследствие новых ответов, которые я получаю от Бога после ожидания от Него помощи и благословения! И чем дольше мне приходилось ждать, или чем сильнее была моя нужда, тем сильнее была и радость, когда, наконец, получался ответ,—часто весьма замечательным образом,—для того именно, чтобы рука Божия была особенно видна. Я потому **торжественно** заявляю, что не нахожу эту жизнь веры—жизнью тягостной, но наоборот—очень счастливою; вследствие этого я нисколько не устал от нее.

Препятствий и трудностей я ожидал с самого начала. Прежде чем я начал это служение, я ожидал их; даже более того,—**моею главной целью было, чтобы вся церковь вообще укрепилась в вере** и приучилась бы более **просто и всецело полагаться на живого Бога**, глядя на то, как Его рука всегда приходила мне на помощь в час нужды.

Чем дольше я продолжаю это служение, тем больше становится разного рода испытаний; но в то же время—тем счастливее я чувствую себя в этом моем служении, и тем большую я имею уверенность, что занят именно тем делом, которым Господу угодно, чтобы я был занят.

ХРИСТИАНСКИЕ МЫСЛИ.

* Много значит желать хорошего, потому что действие и труд всегда следуют за волей. А когда втянешься в труд, то уже не можешь жить без него.

* Как магнит притягивает железо, так и искренняя вера во Христа неизменно ведет за собой праведность.

* Как часто ты будешь в общении с живыми, серьезными христианами, ты будешь всегда от них возгреваться и вдохновляться на все доброе.

* У христианина должен быть не только свет в голове, но и огонь в сердце.

* Если ты дашь место в твоем сердце хотя бы одному сознательному греху, то ты должен будешь поплатиться жизнью твоей души за жизнь твоего греха.

* Молитва есть ключ, открывающий дверь во все кладовые Божьих сокровищ.

* Когда Христос говорит: „Я твой", то вера отвечает: „Да, Ты мой!"

* „Все дальше и дальше вперед"—должен быть девиз христианина.

* Взвешивай ежедневно твое покаяние, твою веру, твою любовь, твою надежду, твое терпение и посмотри, каков их вес на весах святости.

* Там, где есть живые христиане, желающие служить Богу и ближнему, дом их будет прекрасным оазисом, освежающим жизнь среди холодного мира маленькой любви.

* Не забывай о необходимости общения со святыми!

ПРАЗДНИК ПЕРВОГО СНОПА ЖАТВЫ.

Левит 23, 9—14.

Этот праздник стоит по своему духовному значению в тесной связи с предыдущими праздниками.

Мы читаем:

> „... когда придете в землю, которую Я даю вам, и будете жать на ней жатву, то принесите первый сноп жатвы вашей к священнику. Он вознесет этот сноп пред Господом, чтобы вам приобрести благоволение; на другой день праздника вознесет его священник".—23, 10—11.

Суббота, о которой здесь говорит Иегова, относится к празднику Пасхи или пасхальной неделе (Лев. 23, 5—8). Следовательно, мы имеем здесь три праздника, которые во времени следуют один за другим и по значению тоже стоят в тесной связи друг с другом.

Но в то время, как первые два праздника уже и в пустыне могли быть отпразднованы,—нужно было притти народу в обетованную землю, чтобы там совершить новый праздник и новый обычай: возношение первого снопа на другой день после пасхальной недели. Этого нельзя было совершить в пустыне, потому что там не бывает жатвы, откуда же там взять первый сноп?

Но какое было духовное значение этого праздника? Уже самое время, назначенное для возношения снопа, не оставляет нас в сомнении относительно прообраза. Как мы уже знаем, слово Божие называет Господа Иисуса Христа—„Пасхой нашей", „Агнцем без пятна и порока", умершим за нас, а также „Первенцем из мертвых" (1 Кор. 15, 20).

По усмотрению Божию Господь умер (хотя враги Его из страха перед народом не хотели убить Его в наступающий праздник) именно в пасхальные дни. И что случилось?—„По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели" (Матф. 28, 1), восстал Иисус Христос, Который незадолго до того, как Агнец Божий совершил дело искупления,—восстал торжествующе из смерти и гроба!

Как пшеничное зерно Он упал в землю и умер (Иоан. 12, 24); и как Первенца из мертвых Бог победоносно вернул Его из смерти. Так явился Он исполнением прекрасного прообраза, данного Богом в первом снопе жатвы.

Другими словами: приношение первого снопа жатвы есть прекрасное и трогательное символическое изображение *воскресения* Иисуса Христа.

В первый день недели, день после субботы, который христиане с тех пор еженедельно празднуют как день, принадлежащий Господу,—Он восстал из мертвых. К этому прообразу подходит полное значения то обстоятельство, что в день возношения первого снопа жатвы Бог не требовал никакой жертвы за грех.

В тексте сказано, что в этот день должны были приносить только жертву всесожжения, хлебное приношение и возлияние вина, но *не жертву за грех*, которую приносили во все остальные иудейские праздники (Лев. 23,12—13).

Почему же только не при этом празднике?—Потому, что он был прообразом воскресения Иисуса Христа, беспорочного и святого Сына Божия, Который прежде смертью Своею, как пасхальный Агнец, „однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею".—Евр. 9, 26.

Сначала грех был через Его вечно пребывающую и совершенную жертву уничтожен перед Богом навсегда; потом Он был „по духу святыни“ вызван к жизни из мертвых. Итак не осталось места и причины для жертвы за грех.

И как приношение первого зрелого снопа жатвы в первый день после субботы пасхальной недели открывало время жатвы и было ее началом, так воскресение Иисуса послужило введением и залогом для всех искупленных времени их воскресения. „Первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его“.—1 Кор. 15, 23.

Как о Христе сказано, что Он „воскрес *из* мертвых“, так и воскресение верующих будет „воскресением *из* мертвых“. Остальные мертвые, т. е. умершие необращенными,—останутся в своих гробах, в то время, как искупленные Господом пробудятся в новых телах или, если они еще окажутся при жизни, с пришествием Господа—изменятся и будут прославлены. Поэтому говорит Свящ. Писание: „Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом!“—Откр. 20, 5—6.

Распространенное в христианстве представление и учение о том, что существует только одно общее, одновременное воскресение всех мертвых, блаженных и погибших, которое произойдет в последний день, т. е. как последнее событие при кончине мира,—все же лучше, чем злое неверие саддукеев, которые учили, что никакого воскресения вообще нет.

Но и оно неверно и не соответствует учению Нового Завета. По слову Божию, воскресение святых и также безбожных не происходит одновременно. Иудеи знали только одно общее воскресение мертвых. Но Христос и за Ним апостолы учили о „воскресении из мертвых“.

Может быть читатель удивленно спросит, как некогда спрашивали ученики Иисуса, когда они сходили с горы после Его преображения и в первый раз слышали из уст Господа об этой чудесной вещи: „Что значит воскреснуть *из* мертвых?“—Марк. 9, 9—10.

По поводу этого несколько слов.

Воскресение верующих по своему характеру походит на воскресение Иисуса Христа и примыкает к нему; оно также называется „воскресением праведных“ или „воскресением в жизнь“, или „первым воскресением“. Это воскресение произойдет по крайней мере *за 1000 лет до* того, как воскреснут другие мертвые. Последнее же воскресение называется „воскресением неправедных“, или „воскресением суда“.

Насколько славно и радостно будет первое воскресение, настолько ужасно и тягостно будет воскресение второе, потому что за ним следует „смерть вторая“—озеро огненное. И если с одной стороны мы слышим: „блажен и свят, имеющий участие в воскресении первом“, то с другой стороны слышим „и кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное“.—Откр. 20, 4—15; Деян. 24, 14—15; Лук. 14, 14; Иоан. 5, 28—29.

Апостол Павел пишет, утешая верующих, чтобы они не скорбели по умершим в Господе „как прочие, не имеющие надежды“. Он говорит им, что Христос придет вновь, пробудит умерших верующих и изменит живущих из них и всех вместе введет в небесную обитель.—1 Фесс. 4, 13—18; 1 Кор. 15, 51—58.

Это воскресение умерших и изменение оставшихся живущих на земле верующих, которых Бог призывает в наше время благодати из всех народов,—есть та *жатва*, которая *последует за* вознощением первого снопа Господу.—Как полна славы надежда верующих при взгляде на грядущую славу, на целую вечность!

Но что же будет уделом и частью тех, которые во грехах своих умирают и отходят в вечность?—Мы читаем, что и они, если еще не подпали при жизни временному и также вечному суду, пробудятся в своих гробах, чтобы предстать пред мировым Судьей, сидящим на „великом белом престоле“. Там будут они судимы по делам своим и брошены в озеро огненное; это смерть вторая. Как ужасающе строг Божий суд и справедлив гнев Его на всякий грех и отвержение Его! *)

Дорогой читатель, как обстоит дело с твоею драгоценною бессмертною душою? И что будет с твоим воскресением? Принадлежишь ли ты к первому или ко второму воскресению?

Если ты в сознании того, что̀ такое человек перед Богом, жаждущий спасения и с верою нашел свое убежище во Христе Иисусе, истинном пасхальном Агнце (1 Кор. 5, 7), тогда ты включен в „приношение начатков жатвы“—первенцев из мертвых (ср. Иак. 1, 18). Ты поистине можешь, взирая на Него, твоего Спасителя, хвалиться и свидетельствовать: „Иисус живет, и я с Ним!“

Если это так, не хочешь ли ты всем образом мыслей и хождением твоими свидетельствовать, что это есть твоя верная и блаженная надежда и ожидание, чтобы „достигнуть воскресения мертвых“? — Фил. 3, 11.

Как дивно, что Иисус Христос пасхальный Агнец всех искупленных, Который понес наши грехи и уничтожил их,—есть перед Богом „первый сноп“, начаток жатвы, как Первенец из мертвых. Так вошел Он за нас в небо и славу Его.

В Нем, воскресшем и прославленном Сыне Человеческом, „Первенце из мертвых“ (Кол. 1, 18) Бог видит уже всех истинно верующих перенесенными в вечную славу. Посему так радостно восклицает Апостол: „кого Он оправдал, тех и прославил!“—Римл. 8, 30.

Скоро-скоро мы будем в действительности у Иисуса и с Ним стоять во славе навеки. Он сказал:

> „Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира“.—Иоан. 17, 24.

И трижды восклицает Он Своим в последней главе Свящ. Писания: „Се, гряду скоро!“—Откр. 22, 7, 12, 20.

Д-р Э. Дёнгес.

---

* * *

Жить не легко... в жизни вечно есть нечто грозящее, —
Между прошедшим и будущим наше сознание
Ловит лишь то, что бросает нам время летящее...
Счастлив, кто ищет спасенья от зол и страдания
В лоне Того, Кто во веки веков — Настоящее!..

Я. Полонский.

---

*) Подробнее об этом см. *И. В. Каргеля:* „Где находятся мертвые по Писанию“— „Христианин“ №№ 7—12 за 1925 г.